

СОДЕРЖАНИЕ:

Еще о „Всероссийской антрепризѣ“.—Къ юбилею Л. Н. Толстого.—Замѣтка.—Хроника.—Письма въ редакцію.—По провинціи.—Памяти И. С. Тургенева. *Вл. Бончовскаго*.—Изъ матеріаловъ объ И. С. Тургеневѣ.—Маленькая хроника.—Изъ берлинскихъ впечатлѣній *А. Кузель*.—У своихъ *Н. Урванцова* (оконч.).—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † Л. М. Куроптева, Сызранская драм. труппа, И. С. Тургеневъ, къ 25-лѣтію со дня смерти Тургенева (6 рис.), Парижскій сезонъ.

С.-Петербургъ, 17-го августа 1908 года.

Какъ мы уже упоминали, общая пресса обратила вниманіе на затѣю Совѣта Т. О. Такъ, въ „Пет. Газ.“ были напечатаны интервью по поводу „проекта всероссийской антрепризы“, какъ удачно названа эта затѣя. Между прочимъ, интервьюеромъ былъ „допрошенъ“ „членъ Совѣта“, который отнесся вполне отрицательно къ проекту. Но это еще съ полъ-сюрприза, что членъ Совѣта находитъ затѣю неосновательной. Настоящій сюрпризъ въ томъ, что „членъ Совѣта“ ничего объ этомъ не зналъ, и полагаетъ, что и нѣкоторые другіе члены Совѣта содержанія бумаги, посланной въ казанскую управу, не знали, и что такое, въ высшей степени важное, постановленіе было сдѣлано въ засѣданіи „маленькаго Совѣта“, вотъ какъ бываютъ засѣданія „маленькой думы“, рѣшающей петербургскія городскія дѣла...

Очень жаль, что г. членъ Совѣта не нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы назвать себя. Вѣроятно, когда этотъ вопросъ перейдетъ на обсужденіе общаго собранія, г. „членъ Совѣта“ выскажетъ свое мнѣніе совершенно откровенно, подобно тому, какъ другой членъ Совѣта Е. П. Карповъ откровенно разсказалъ, что о ссудѣ-авансѣ, взятой безъ разрѣшенія общаго собранія, вопреки требованію устава, онъ узналъ въ засѣданіи „Совѣта“, послѣ того, какъ ссуда была взята...

Все это—очень характерные штрихи и черточки, и судя по нимъ, можно себѣ представить, во что превратилась-бы процедура полученія концессій на театры отъ „Совѣта“.

Мы получили отъ одного изъ нашихъ читателей письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Для безпристрастія вамъ слѣдовало-бы, однако, высказаться и о претензіи Союза сценич. дѣятелей, который также домогается снятія казанскаго театра. Почему одному учрежденію можно, а другому—нельзя?“

Отвѣтимъ на замѣчаніе читателя.

Союзъ сценическихъ дѣятелей есть учрежденіе еще не сложившееся и слабое. Поэтому снятіе имъ казанскаго театра не обозначало-бы новой „эры“, а было-бы лишь арендою одного театра.

Во-вторыхъ, Союзъ снимаетъ театры (такіе опыты уже были) для *товариществъ*, имѣя въ виду совершенно опредѣленную цѣль — кооперативную работу, устраненіе предпринимательскаго гнета. Насколько это удастся и можетъ удастся Союзу—вопросъ другой. Можетъ быть, это утопія, но мысль о театральнхъ артеляхъ — во всякомъ случаѣ, похвальная.

Союзъ дѣйствуетъ на основаніи постановленія общаго собранія и осуществляетъ (по крайней мѣрѣ,

намѣренъ) фактическій контроль надъ снятыми театрами, и не довольствуется ролью передаточной канцеляріи.

Въ четвертыхъ, Союзъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, ошибкахъ и заблужденіяхъ, есть все же чисто общественное учрежденіе, и всякое уклоненіе правленія можетъ быть немедленно прекращено избраніемъ новаго правленія.

И наконецъ, въ пятыхъ, можно быть увѣреннымъ, что заявленіе Союза останется лишь платоническимъ вздохомъ, такъ какъ отъ него потребуютъ залогъ, Совѣтъ-же Т. О., очевидно, намѣренъ обойтись при помощи „невещественнаго“ залога. Союзу не подъ силу казанскій театръ. Это ясно каждому. Не подъ силу онъ и Т. О., но вѣдь послѣднее и не думаетъ его эксплуатировать. Оно только разсчитываетъ найти „достойнѣйшаго“ и увѣнчать его, какъ говорится въ какой-то опереткѣ, „вѣнкомъ Паганини“.

Полагаемъ, что разница достаточно существенная...

Приближается день 80-лѣтняго юбилея Л. Н. Толстого. Весьма возможно, что черносотенная агитація противъ юбилея затруднитъ мѣстами юбилейное чествованіе великаго писателя въ театрахъ, но мы увѣрены, что сценическій міръ исполнитъ свой долгъ. Еще постомъ въ Москвѣ, на сѣздѣ режиссеровъ, было принято рѣшеніе ознаменовать день юбилея постановкой во всѣхъ театрахъ спектаклей въ честь Л. Н. Толстого. Это, конечно, минимумъ той дани благодарности, которою театральнй міръ обязанъ автору „Власти тьмы“ и „Плодовъ просвѣщенія“. Желательно было бы, однако, чтобы чествованіе Л. Н. Толстого сценическимъ міромъ имѣло характеръ коллективный. Этого возможно было бы достигнуть, если бы театры согласились поставить толстовскій спектакль въ *одинъ* день. Въ виду того, что день восьмидесятилѣтія—28 августа—приходится на то время, когда лѣтній сезонъ уже законченъ, а зимній—не начинался, мы рекомендовали бы провинціальнымъ театрамъ установить день общаго чествованія, положимъ, въ концѣ сентября или началѣ октября, когда зимнія труппы всюду уже работаютъ.

Кстати, 28 и 29 августа—дни, когда спектакли не разрѣшаются, и, слѣдов., даже немногіе открытые столичные и провинціальныя театры не могутъ въ день юбилея поставить толстовскій спектакль. И этимъ театрамъ слѣдовало бы дѣйствовать сообща, а не въ разбродъ и также установить общій день чествованія Толстого. Насколько извѣстно изъ частныхъ свѣдѣній, въ однихъ театрахъ толстовскій спектакль идетъ 27 августа, въ другихъ—30-го, а въ иныхъ 31-го. Странно, что при обсужденіи на сѣздѣ журналистовъ юбилея Л. Н. Толстого, не обратили вниманія на то, что 28-го августа относится къ числу дней, въ которые спектакли не разрѣшаются. Опираясь на существующее узаконеніе, администрація, вообще, можетъ въ день 28-го августа не разрѣшить никакихъ публичныхъ вечеровъ и т. п. Это было крайне непредусмотрительно со стороны сѣзда, безъ всякаго сомнѣнія.

Приглашаемъ режиссеровъ и антрепренеровъ обмѣняться на столбцахъ нашего журнала мыслями по вопросу объ установленіи дня чествованія Л. Н. Толстого въ открывающемся зимнемъ сезонѣ.

Мы сообщали уже въ началѣ нынѣшняго года объ образованіи пенсіонной кассы сценическихъ дѣятелей въ Австріи, фондъ которой составляется изъ особаго налога на театральные билеты. Согласно уставу кассы, приплата на билеты составляетъ въ 8 значительнѣйшихъ городахъ Австріи 4 геллера (геллеръ $\frac{1}{100}$ части кронъ, — 40 к. — т. е. $\frac{2}{5}$ к.) для галлерей, а на прочіе билеты по 10 геллеровъ. Въ другихъ городахъ приплата варьируется отъ 2 до 8 геллеровъ на билетъ. О размѣрахъ этого фонда можно судить по тому, что съ 1 января по 1 июня 1908 г. собрано уже такимъ путемъ — 85,000 кронъ! И это въ самомъ началѣ дѣла, когда еще не всѣ театры присоединились къ союзу! Годовой приходъ, по расчету правленія, долженъ составить отъ 600 до 700 т. кронъ.

Вотъ что значитъ союзное начало въ настоящемъ, чистомъ видѣ, безъ всякой административной опеки!

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Возвратившееся изъ гастрольной поѣздки по югу Россіи т-во Императорскаго балета подъ представительствомъ гг. Чекрыгина и С. Пономарева дало въ продолженіи 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ 46 спектаклей, взявъ около 32,000 руб. Спектакли начались въ Харьковѣ, затѣмъ т-во посѣтило Баку, Тифлисъ, Батумъ, Одессу, Кишиневъ, Херсонъ и др. и окончили въ Бендерахъ. Во главѣ т-ва стояли балерины Ю. Н. Съдова, Е. А. Смирнова, солисты А. М. Козловъ (моск. Б. театр), А. М. Монаховъ, В. Н. Стуколкинъ и др. Дирижеръ И. Чекрыгинъ. Благодаря хорошему успѣху т-во имѣетъ уже нѣсколько приглашеній на будущій годъ, между прочимъ въ Японію, Сибирь и Америку. Это первый опытъ крупнаго предпріятія, задуманнаго и выполненнаго своими силами и на свой рискъ.

— Клубъ велосипедистовъ, передѣлываемый въ настоящее время въ театрѣ, снятъ В. А. Казанскимъ на 15 лѣтъ съ платой 12,000 руб. ежегодной аренды. Перестройка обойдется г. Казанскому въ 100,000 руб. Ремонтъ закончится къ 15 октября. Театръ рассчитанъ на 700 мѣстъ.

— Бр. А. и Л. Лейфертъ открываютъ съ сентября въ Кіевѣ отдѣленіе своей костюмерной и декоративной мастерской.

— Спектакли „Историческаго театра“ въ предстоящемъ сезонѣ не будутъ продолжаться, какъ по отсутствію помѣшенія, такъ и въ силу другихъ обстоятельствъ.

— Предположенная постройка театра при Театральномъ Клубѣ не состоится въ нынѣшнемъ сезонѣ. Надѣются устроить лишь „временный залъ“, который къ будущему сезону будетъ превращенъ въ постоянный театрѣ.

— К. Н. Незлобинъ, снявшій на 3 года (съ 1910 г.) Московскій Интернаціональный театрѣ, пригласилъ заведывающимъ художественной частью журналиста А. П. Воротникова.

— Прибыль иркутскій антрепренеръ А. М. Звѣздичъ, предполагающій формировать здѣсь труппу.

— „Петербургскій театрѣ“ В. А. Неметти — антреприза М. Т. Строева, откроется 20 сентября. Для открытія предполагается поставить „Короля“ С. Юшкевича.

— Театръ „Grand Guignol“ г. Гардина, прекратившій спектакли на Междунар. Строит. Худож. Выставкѣ 6 августа, предполагаетъ возобновить свою дѣятельность съ 16 августа въ Новомъ театрѣ (бывш. Кононовск. залъ). Спектакли продолжатся до 1-го сентября, а затѣмъ предполагается отправиться въ провинціальное турнѣ.

— Вернулся изъ Владивостока, не дослуживъ до конца сезона, М. И. Разсудовъ. Оказывается, по словамъ г. Разсудова, онъ не могъ получить слѣдующаго ему жалованья и вынужденъ былъ оставить службу.

— Спектакли на Строительной выставкѣ, какъ мы уже сообщали, отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть. Да и сама выставка, очевидно, умираетъ. Какъ мы слышали, И. А. Хворостовъ, которому была поручена организація спектаклей, намѣренъ вчинить искъ къ комитету выставки за потерянное время и въ возмѣщеніе розданныхъ авансовъ.

— Мы слышали, что въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Т. О. будетъ заслушанъ проектъ В. М. Владимірова о взаимномъ страхованіи сценическихъ дѣятелей на случай болѣзни, послѣ чего онъ будетъ разосланъ всѣмъ антрепренерамъ и труппамъ для полученія отзывовъ о возможности немедленнаго съ ближайшаго поста включенія въ договоры дополнительнаго пункта объ обязательномъ страхованіи.

— Новая пьеса В. Протопопова „Гетера Лаиса“ пойдетъ въ театрѣ Литерат.-Худож. Общества.

— Концерты въ Сестрорѣцкомъ курортѣ заканчиваются 17-го августа.

— И. И. Колышко написалъ пьесу „Большой Человѣкъ“; главный герой — государственный дѣятель. Пьеса эта, однако, до сихъ поръ еще не разрѣшена цензурою.

— 24-го августа состоится чрезвычайное общее собраніе членовъ союза драматическихъ и музыкальных писателей, на которомъ, между прочимъ, будетъ рѣшенъ вопросъ о ближайшемъ конкурсѣ имени Островскаго.

— Намъ просятъ напечатать, что представителемъ московскаго театральнаго музея А. А. Бахрушина въ Петербургѣ состоитъ чиновникъ особыхъ порученій при Императорской Академіи Наукъ Вл. А. Рышковъ.

— Подъ вагонъ трамвая на-дняхъ попала артистка Василе-островскаго театра г-жа Байкова, къ счастью отдѣлавшаяся легкими ушибами.

— Окончившая въ 1908 году драматическіе курсы Поллакъ по классу А. А. Санина, Вѣра Андрушевичъ (по сценѣ Полевая) принята на текущій сезонъ въ труппу В. О. Коммисаржевской.

— Въ театральномъ клубѣ 22 августа предполагается Тургеневскій вечеръ. Будутъ прочитаны и разыграны отрывки изъ „Мѣсяца въ деревнѣ“, „Завтрака у предводителя“, „Дворянскаго гнѣзда“. Будутъ также исполнены отрывки изъ оперъ „Ася“ и „Пѣснь торжествующей любви“.

* * *

Московскія вѣсти.

— Художественный театрѣ вводитъ съ предстоящаго сезона новый принципъ расцѣнки мѣстъ, по образцу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ театровъ. Въ партерѣ всѣ мѣста отъ 1-го до 8-го ряда включительно будутъ по одной цѣнѣ. Это будетъ первая группа. Мѣста второй группы съ одинаковой расцѣнкой охватятъ пространство отъ 9 ряда до амфитеатра; въ эту же группу войдутъ и боковыя мѣста амфитеатра 1-го ряда. Амфитеатръ будетъ въ третьей группѣ съ одинаковой расцѣнкой всѣхъ мѣстъ. Такое же приблизительно распределеніе будетъ въ бель-этажѣ и въ верхнемъ ярусѣ. Общая сумма сбора останется такой, какъ она была, такъ какъ новая расцѣнка удешевитъ многіе ближніе ряды и подыяла цѣну на болѣе отдаленные.

— Контора Императорскаго Большаго театра получила изъ Петербурга предписаніе исполнить требованіе московской администраціи — уничтожить лики святыхъ на декораціяхъ оперы „Сказаніе о градѣ Китежѣ“.

— Въ этомъ году открывается „Первая въ Россіи частная Хореографическая школа“, учреждаемая артистками Императорскаго балета г-жами Л. Р. Нелидовой и А. И. Собещанской, со спеціальными классами балетнаго искусства.

— Намъ пишутъ: Въ Императорскихъ театрахъ сезонъ начнется съ 30-го авг., въ Большомъ театрѣ пойдетъ „Жизнь за Царя“, а въ Маломъ — „Горе отъ ума“. Общія репетиціи въ оперѣ С. И. Зимина, съ хоромъ, оркестромъ и артистами, начнутся 15 августа. Для открытія оперныхъ спектаклей въ театрѣ Солодовникова будетъ поставленъ „Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго. Художественный театрѣ открывается 25-го сентября. Для открытія будетъ поставлена „Синяя птица“ Метерлинка. Въ предстоящемъ сезонѣ возобновляются слѣдующія пьесы: „Дядя Ваня“, „Три сестры“, „Борисъ Годуновъ“, „Брандъ“, „Жизнь человѣка“, „Докторъ Штокманъ“, „На днѣ“, „Драма жизни“, „Ивановъ“, „Росмерсгольмъ“ и „Вишневый садъ“. А. Э. Блюменталь-Тамаринымъ, снявшимъ подъ опереточные спектакли театрѣ „Буффъ“, законченъ составъ труппы: г-жи — Никитина, Зброжекъ-Пашковская, Шварцъ-Сабо, Смарагдова, Шереметьева, Гамалѣй, Вольская, Жуби, Галицкая и гг. Мираевъ, Милютинъ, Онѣгинъ, Рокотовъ, Анчаровъ, Долинъ, Блюменталь-Тамаринъ, Дмитріевъ, Пальмъ, Нировъ, Германъ, Томашевичъ, Сабининъ, Скворцовъ и др. Дирижеры: — Вивьенъ и Гильдебрандтъ. Открытіе назначено на 17 сент. Пойдетъ оп. Эккерта — „Фрина“.

Открытіе балетныхъ спектаклей въ Большомъ театрѣ назначено на 31-ое августа. Возобновляется „Раймонда“ Глазунова и одна новая постановка — „Саламбо“ балетъ въ 3-хъ д. и 7 карт. Музыка написана на сюжетъ Флобера дирижеромъ балета г. Аренсомъ, въ 20-лѣтній юбилей котораго и пойдетъ названная новинка.

Гастрольные спектакли В. О. Коммисаржевской въ театрѣ „Эрмитажъ“ откроются 30-го августа „Норой“.

— Спеціальная коммисія, избранная художественнымъ совѣтомъ московской консерваторіи, выработала проектъ новаго устава, сводящійся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: консерваторія, находящаяся въ данное время въ вѣдѣніи двухъ вѣдомствъ — Императорскаго музыкальнаго общества и Министерства Внутреннихъ дѣлъ, подлежитъ, по новому уставу, заведыванію въ порядкѣ надзора за правильнымъ выполненіемъ устава министру народнаго просвѣщенія. Консерваторію составляютъ автономныя коллегіи, управляющіяся вполне самостоятельно, организуя учебно-художественную и административную дѣятельность. Директоръ консерваторіи и товарищъ его избираются художественнымъ совѣтомъ и утверждаются въ этой должности министромъ. Полицейская

власть не имѣть права входа въ помѣщеніе консерваторіи безъ разрѣшенія директора.

— Г. Дракули ведетъ переговоры съ владѣльцемъ театра „Акваріумъ“ о снятіи послѣдняго на зимній сезонъ подъ общедоступные оперные спектакли.

— По словамъ „Гол. Москвы“ бюро рѣшило строго ограничивать свою посредническую дѣятельность контингентомъ наличныхъ членовъ театральнаго бюро. Даже доступъ въ залъ бюро для постороннихъ лицъ будетъ совершенно закрытъ.

* * *

† Л. М. Куроптева. Въ Казани, въ ночь на 12 августа, скончалась отъ натуральной оспы, бывшая артистка театровъ с.-петербургскаго попечительства о народной трезвости, Любовь Михайловна Куроптева. Она захворала въ субботу 9-го и промучилась 3 дня. Покойная, окончивъ Александровскую гимназію, поступила на драматическіе курсы М. М. Читау, по окончаніи которыхъ, въ 1903 году, послѣ успѣшнаго дебюта въ „Горнозаводчикѣ“ въ роли Клары, была принята въ труппу театровъ попечительства, гдѣ съ возрастающимъ успѣхомъ прослужила около пяти лѣтъ, занимая амплу анжениу-драматикъ и молодыхъ героинь.

Великимъ постомъ текущаго года, не сойдясь въ условіяхъ съ дирекціей попечительства, Л. М. оставила службу въ названныхъ театрахъ и уѣхала въ Москву, для присканія ангажемента въ провинцію,

Въ скоромъ времени по приѣздѣ въ Москву, Л. М. заключила контракты: — на лѣто — въ поѣздку по Закавказью по два мѣсяца и на зиму въ Орелъ въ дирекцію Крамолова. По окончаніи поѣздки Л. М. пріѣхала въ Казань отдохнуть и полѣниться, между прочимъ приняла предложеніе товарищества, ставящаго спектакли въ театрѣ Панзеева, гдѣ и играла до рокового дня.

Покойная Л. М. пользовалась рѣдкой любовью товарищей и вполне заслуженнымъ успѣхомъ у публики; она умерла на 24 году жизни.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ.

Актёр.

* * *

„Новый лѣтній театр“. Нѣтъ менѣе остроумныхъ людей, нежели тѣ, которые вѣчно острятъ. Этотъ афоризмъ всегда приходитъ мнѣ въ голову, когда я слушаю „обозрѣнія“. Обычно обозрѣнія — это упражненіе даже не въ остроуміи, а въ остроусловіи.

Берутся первые попавшіеся сюжеты, случайныя зпобы дня и на нихъ авторы изощряютъ свое остроуміе. Никакой послѣдовательности, никакого плана... А между тѣмъ обозрѣніе, въ сущности, — живой, остроумный фельетонъ не на бумагѣ, а въ изображеніи живыхъ лицъ и, какъ въ фельетонѣ, въ обозрѣніи должна быть извѣстная послѣдовательность мысли. И оттого даже наиболѣе удачныя обозрѣнія оставляютъ впечатлѣніе какой-то сумятицы. Затѣмъ чисто психологическая причина способствуетъ еще усиленію такого впечатлѣнія. Послѣ трехчасоваго сплошнаго остроумничанія автора у зрителя всегда остается впечатлѣніе сѣраго, мутнаго, расплывчатого пятна, въ которомъ пропадаютъ и дѣйствительныя, имѣющіяся въ обозрѣніи, яркія точки. „Какимъ-то демономъ“ внушаемые побольше „наострить“, авторы не замѣчаютъ, какъ постепенно у зрителя или слушателя пропадаетъ всякій аппетитъ къ остротамъ, и утомленный ротъ, вмѣсто улыбки, складывается въ гримасу...

„Обозрѣніе Шебуева“ (правильно ли такое расположеніе ковычекъ грамматически?), несомнѣнно даровитаго журналиста, страдаетъ тѣми же органическими недостатками — случайность, калейдоскопичность номеровъ, небрежность обработки плюс плохая постановка.

А между тѣмъ нѣкоторые очень остроумные номера показываютъ, что авторъ при болѣе строгомъ и внимательномъ отношеніи къ своей задачѣ могъ бы выйти побѣдителемъ. Если бы не растягивать обозрѣнія обязательно на цѣлыхъ 3 акта, разбавивъ его для сего балетными дивертисментами и случайными номерами, а выбрать то, что есть въ немъ хорошаго, то получилось-бы очень остроумное одноактное обозрѣніе.

Преображенный Мейерхольдъ въ вицъ-мундирѣ со шпагою и фуражкѣ съ кокардой, еврей — меланхолически замѣчающій, въ отвѣтъ на жалобу „полноправнаго гражданина“ на дороговизну квартиръ — „нѣтъ тебѣ тутъ ни жилья, ни жительства“, борьба, мужчина, исполняющій „голый“ танецъ Ольги Десмондъ и др. — лучшіе номера. Перваго акта я не видѣлъ. Говорятъ, этотъ актъ наиболѣе интересный.

Изъ исполнителей отмѣчу гг. Тучанскаго и Ангарава, прекрасно имитировавшихъ — первый антрепренера всемірнаго чемпионата г. Лебедева, второй — извѣстнаго танцора-негра. Нѣкоторые номера удачно выполнены г. Морфесси, г-жами Легатъ и Свѣтловой.

О. К.

* * *

Крестовскій садъ и театр. 13-го августа состоялся бенефисъ содержателя сада И. Ялышева. Что особенно пріятно

† Л. М. Куроптева.

поразило — это отсутствіе всякой помпы въ чествованіи бенефицианта. Ни подарковъ, ни рѣчей, ни адресовъ. Если бы не традиціонный обычай, уклониться отъ котораго не хватило бы духу, пожалуй, у самаго смѣлаго и отважнаго человѣка, думаю — г. Ялышевъ съ особеннымъ удовольствіемъ отказался бы отъ выходовъ и поклоновъ передъ публикой. А послѣдняя дѣйствительно тепло принимала бенефицианта. Да и то сказать, чуть не четверть вѣка дѣлаетъ человѣкъ свое дѣло, къ которому назначила его судьба, и остается скромнымъ „директоромъ“, не требующимъ себѣ никакихъ знаковъ почтенія, ни подарковъ, ни прославленій отъ сонма своихъ служащихъ; если сравнить, какъ проходятъ бенефисы другихъ „директоровъ садовъ“, которымъ усердные чрезъ мѣру почитатели отбиваютъ земные поклоны и льстятъ сравненіями съ великими завоевателями, то право, проникаешься особеннымъ уваженіемъ къ скромности г. Ялышева.

Самъ по себѣ бенефисъ почти ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ вечеровъ Крестовскаго сада. Только красивый и разнообразный фейерверкъ, да лишняя сотня, другая разноцвѣтныхъ лампѣоновъ, протянутыхъ гирляндами надъ садомъ, указывали на торжество дня. Публики было довольно много. Въ маломъ театрѣ драматическая труппа мило разыграла фарсъ съ пѣніемъ „Пари проиграно“. Въ труппѣ есть хорошіе голоса и хорошіе артисты. Одно странно: пьеса прошла въ сезонъ чуть-ли не слишкомъ двадцать разъ, а все время въ театрѣ стоялъ довольно явственный гулъ и разговоръ, шедшій изъ суфлерской будки.

Игр.

* * *

Дачные театры.

Стрѣльня. Циклодромъ. Пріятно отмѣтить, что антреприза здѣсь не придерживается исключительно т. н. лѣтнаго репертуара, т. е. фарсовъ и легкихъ комедій, а временами берется за серьезныя пьесы. Такъ, 6 августа была поставлена пьеса Островскаго „Правда хорошо, а счастье лучше“. Въ исполненіи попадались недочеты и промахи, неизбежные при спѣшной постановкѣ. Очень хорошъ г. Печоринъ въ роли унтера Грознова. Роль эта у него отдѣлана любовно и ведетъ онъ ее типично, жизненно, въ истинномъ духѣ Островскаго. Г. Морозову по средствамъ Платонъ Зыбкинъ — и современемъ онъ сможетъ дать цѣльный типъ — нужна однако большая работа. Недостаточно ярки г. Артуровъ (Барабосевъ) и г-жа Юрова (Мавра Тарасовна) и мало естественности и простоты у г-жи Чернявской (Поликсена) и г. Камскаго (Мухоморовъ). — Спектакль оставилъ пріятное впечатлѣніе — такова неувыдающая сила истиннаго художника даже въ тѣхъ случаяхъ, когда произведеніе его попадаетъ въ робкія руки.

Большой театр. Поставленный здѣсь съ благотворительной цѣлью спектакль съ участіемъ К. А. Варламова и В. В. Стрѣльской прошелъ блестяще, какъ въ смыслѣ матеріальномъ, такъ и въ художественномъ. Пустая сама по себѣ пьеса Крюковского „Сынъ на прокатъ“ была разыграна со вкусомъ и сочно. Мѣстные актеры — г-жи Мирская, Радина, Федорова и гг. Мировичъ, Перельгинъ-Орловскій подтянулись въ присутствіи „именитыхъ“ гастролеровъ и отлично поддержали общій веселый тонъ исполненія.

М. В.

Гунгербургъ. Концерты и благотворит. спектакли отодвинули рядовыя представленія товарищества артистовъ. Наиболѣе интересный вечеръ представлялъ спектакль, въ пользу общ. взаимопомощи недостаточ. студентовъ. Сборъ — около 1000 руб.

Въ бенефисъ А. И. Аркадзева („Кинъ“) театръ былъ полонъ. Ансамбль — хорошій.

Открыть „модный“ чемпионатъ французской борьбы.

Сезонъ закрывается 1 сентября, и часть труппы разъезжается на зимніе сезоны, часть же остается у Камкова, снявшего на зиму Нарвскіе театры: городской и эстонскаго клуба. Зимній сезонъ открывается въ сентябрѣ; будутъ гастролеры, предполагаются поѣздки въ Ямбургъ, Юрьевъ и Ревель.

В. Вазилевскій.

* * *

По лѣтнимъ концертамъ.

Послѣдній сим. вечеръ иностранной музыки въ Павловскѣ (8 августа) принесъ намъ „шотландскую“ симфонію Мендельсона и Ноктюрнъ (Fêtes) Дебюсси. Имя Дебюсси, этого талантливейшаго изъ представителей ново-французскаго импрессионизма, встрѣчается даже на зимнихъ программахъ не часто. По лѣтнимъ же временамъ музыка его должна быть отнесена къ числу изысканнѣйшихъ и рѣдчайшихъ лакомствъ. Дебюсси еще мало доступенъ широкой публикѣ, ибо это не просто, не только новая индивидуальность въ музыкѣ, но и создатель новаго теченія музыкальной мысли. Онъ типичный „революционеръ“ въ музыкѣ, новаторъ, безпощадно разорвавшій старыя музыкальныя традиціи, отвергшій старыя формы, старыя приемы, опрокинувшій всѣ устои стараго, такъ сказать, музыкальнаго міровоззрѣнія. Для того, чтобы это сдѣлать, надо было только смѣлымъ; но для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, надо обладать талантомъ, гениемъ. И Дебюсси удалось замѣнить непрерывность, послѣдовательность, связность мелодическихъ и гармоническихъ образованій—поэзіей отдѣльныхъ мазковъ, цвѣтныхъ бликовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. Ему удалось въ pendant къ поэзіи Метерлинка, Верлена, Бодлера, По, создать музыку намековъ, предчувствій, видѣній, сновъ, экстаза. Тональность почти разрушена, мысли, гармоніи—блуждающія, орнаментальныя. Но въ общемъ—изумительная цѣльность музыкальнаго настроенія, глубокое проникновеніе въ святая святыхъ искусства. Музыка Дебюсси, хотя бы его ноктюрнъ, въ особенности же его превосходныя романсы, это—если угодно, настоящая мозаика. Но если это слово понимать въ его настоящемъ смыслѣ, если изъ отдѣльныхъ музыкальныхъ моментовъ, подобно тому какъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ цвѣтныхъ камней, складывается цѣльная и полная картина, то „мозаичность“ многихъ современныхъ композицій надо считать не только ихъ характернымъ, но и положительнымъ, во всякомъ случаѣ интереснымъ качествомъ.

Объ вещи, и симфонія и ноктюрнъ прошли подъ управленіемъ Хессина стройно, изящно—кстати: изящество—вотъ, кажется, единственная, но очень цѣнная въ искусствѣ, черта, роднящая такихъ антиподовъ музыкальной мысли, какъ Мендельсонъ и Дебюсси.

Солитами концерта были извѣстный теноръ г. Морской, удачно исполнившій арію изъ „Вертера“ Масснэ и тубаистъ оркестра г. Цыбульскій, выступившій съ мало-интереснымъ Concertino Кюнэ и Andante изъ концерта (виолончельнаго) Гольтермана. Отгадаемъ должное искусству г. Цыбульскаго. Но къ сожалѣнію, туба-инструментъ еще менѣе пригоденъ въ качествѣ солирующаго, чѣмъ контрабасъ; и общее эстетическое впечатлѣніе отъ кантилены на тубѣ—самое минимальное.

Въ программѣ послѣдняго русскаго симф. вечера (98-ой муз. вечеръ, 12 авг.)—два крупнѣйшихъ отечественныхъ имени, Чайковскаго и Глазунова. Интересъ концерта увеличивался благодаря тому, что изъ сочиненій Глазунова шла сравнительно не такъ часто исполняемая у насъ 7-ая симфонія.

Принято упрекать Глазунова за преобладаніе въ его композиціяхъ техники надъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, эти упреки не всегда лишены основаній. Во многихъ вещахъ Глазунова чувствуется нѣкоторая сухость, бѣдность музыкальной мысли. Къ еще большому сожалѣнію, однако, сама общая мысль, на которой базируется приведенное мнѣніе о музыкѣ Глазунова, эта мысль о противоположности, полярности техники и содержанія—въ достаточной мѣрѣ открыта для упрековъ въ неопредѣленности содержанія. Зерно истины, въ ней заключающееся, обросло толстой корой любительскихъ предразсудковъ, недоразумѣній и заблужденій. Раздѣлять „что“ и „какъ“ въ музыкѣ можно лишь условно и въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, методологическихъ. Но нельзя забывать, что въ сущности здѣсь та же связность, то же взаимное проникновеніе, тотъ же „химически“—тѣсный синтезъ элементовъ формальныхъ и по „существу“, что и въ литературѣ, и въ живописи, и въ ваяніи. Только музыкальная техника особенно сложна и специальна, и потому для сознанія диллетанта она часто кажется какой-то математикой искусства, вполне отдѣленной отъ его истинной „души“. Конечно, техника, какъ и самая мысль (поскольку можно ихъ раздѣлять), можетъ быть блѣдной, пустой, вялой.

Но къ несчастью, у насъ слишкомъ часто отсутствіе въ музыкѣ темперамента, яркой выразительности, изобразительности и прочихъ побочныхъ, вполне необязательныхъ ея качествъ, а подчасъ и просто сложность мысли и письма, своеобразную и самоцѣнную красоту полифоническихъ нагроможденій и гармоническихъ комбинацій,—все это безъ разбора трактуется, какъ перевѣсъ техники надъ содержаніемъ. Но

вѣдь въ иной технику такъ много собственного музыкально-техническаго „содержанія“! Развѣ не насквозь технична музыка Баха? И развѣ та же музыка не сплошное творчество, отнюдь не изобразительное и даже не выразительное, но глубоко музыкально-прекрасное? Развѣ не дали классики высокихъ образцовъ техническаго творчества, или—*ad libitum*—творческой, вдохновенной техники? И развѣ у русскаго „классика“, Глазунова, поднявшаго русскую симфонію на небывалую доселѣ техническую высоту, развѣ мало у него страницъ, гдѣ зрѣніе и сочные плоды технической изобрѣтательности какъ-бы становятся истиннымъ и глубокимъ содержаніемъ произведенія? У Глазунова мало лиризма, почти нѣтъ пафоса, но его объективное, какъ бы эпическое творчество проникнуто зато высокимъ идеализмомъ, поразительной пластичностью фантазій.

7-ая симфонія Глазунова у насъ мало популярна. Тѣмъ не менѣе по музыкальной яркости ея идей—темъ, по истинно вдохновенной, органической Technikѣ своей, эта симфонія не уступаетъ наиболѣе извѣстнымъ, 5-й и 6-й симфоніямъ того же автора. Въ этой свѣтлой, радостной, „пасторальной“ симфоніи (извѣстно, что симфоніи Глазунова по тональностямъ и отчасти по настроеніямъ сходны съ Бетховенскими, „отставая“ противъ на одну; такъ 7-ая симфонія Глазунова—въ F—dur'ѣ и пасторальнаго характера, какъ 6-ая симфонія Бетховена) разыграны неподражаемые перлы гармонической и контрапунктической изобрѣтательности, инструментальнаго колорита. И притомъ какая ясность и стройность формъ! Прекрасно скерцо, блестящее и остроумное; поражаетъ финалъ, гдѣ соединены всѣ темы (до 10) всѣхъ частей симфоніи. Но въ смыслѣ яркости и цѣльности музыкальныхъ образовъ особенно привлекательны двѣ первыхъ части. Прелестны эти „сверлыныя“, родственныя другъ другу темы перваго Allegro (онѣ впервые излагаются гобоемъ), и восхитительна ихъ разработка, всѣ эти имитации, каноны, двойныя и четверныя увеличенія темъ, проведенныя такъ искусно, такъ свободно и ярко! Еще интереснѣе и глубокомысленнѣе Andante, самая лучшая, неотразимо и непосредственно обаятельная часть превосходной симфоніи. Великолѣпный контрастъ между главными темами, изъ которыхъ одна торжественная диатоническая (появляется сначала въ тромбонахъ), другая—хроматическая (въ струнныхъ), безподобныя по остроумію комбинаціи этихъ темъ, то догоняющихъ другъ друга, то переплетающихся въ чудесномъ фугато; безпредѣльная эластичность этихъ темъ, переставляемыхъ и сопоставляемыхъ авторомъ во всѣхъ возможныхъ сочетаніяхъ („вертикально“ и „горизонтально“—передвижной контрапунктъ); все это соединено въ Andante 7-ой симфоніи съ такой закономерностью и убѣдительностью общаго хода мысли, что названное Andante безъ колебанія надо считать одной изъ интереснѣйшихъ, прекраснѣйшихъ страницъ русской музыки.

Симфонія трудна для исполненія. Тѣмъ больше чести г. Хессину, что онъ сумѣлъ представить это сложнѣйшее произведеніе съ надлежащей тонкостью нюансировки. Особенно красиво, пышно звучало Andante.

Менѣе удачно прошелъ „Гамлетъ“ Чайковскаго. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ грубоватость исполненія соотвѣтствовала грубоватости самой музыки. Въ „Гамлетѣ“ не мало прекрасныхъ эпизодовъ, но въ цѣломъ эта вещь не принадлежитъ къ числу лучшихъ вдохновеній покойнаго художника.

Солитами вечера явились виолончелистъ, неизмѣнный „любимецъ“ павловской публики, проф. Жакобсъ, красиво сыгравшій Andante изъ 2 концерта Давидова, его же „Am Spingbrunnen“, „Humoresque“ Чайковскаго, романсъ Шуберта („Du bist die Ruhe“) и пѣвица, г-жа Брикъ, исполнившая прекрасный романсъ Римскаго-Корсакова „Дробитъ и плещетъ“, „Растворилъ окно“ Чайковскаго, „Не грусти“ Рахманинова и пр. Голосъ г-жи Брикъ довольно непріятенъ по тембру. Верхіе рѣзковаты и плоски, низы вялы. Однако въ извѣстной музыкальности исполненія отказзаться ей нельзя. Кар—ингъ.

* * *

Заграничныя мелочи.

— Французская пресса сообщаетъ результаты большого интернаціональнаго музыкальнаго конкурса по секціи оперы и лирической драмы: первая премія въ 10,000 франковъ присуждена композитору Луи Ламберту за оперу „Penticosa“ (либретто гг. Аденись и Гартманъ). Остальныя преміи, каждая за 4,000 фр. получили оперы: „Retour“ слова и музыка Макса д'Олонъ, „Anna Dea“—Жюль Буваль по либретто Жоржа Лисъ и Поля Гюгонне, „Aubeline“—Эдмонда Миссá на либретто Генриха Каннъ и Поля Граволлѣ, „Pia“—Генриха Марешаль на либретто Эмиля Гебгардта и Поля Милье и „La Du-Barry“—музыка Эціо Камюсси либретто Галискіани перев. Милье.

— Мы уже сообщали о томъ, что конгрессъ эсперантистовъ въ Дрезденѣ поставилъ „Ифигенію“ Гете на языкъ эсперанто. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ находятъ, что опытъ примѣненія къ искусству искусственнаго языка не вполне провалился. И то утѣшеніе. „Богатствомъ гласныхъ звуковъ“—пишетъ кор. „Ber. Tageb.“—эсперанто со сцены напоминаетъ

италианскій языкъ, но безъ его мягкости и гибкости. Чувствуется, что этому новому языку не хватаетъ интимности, души, и что онъ отличается отъ языка, выросшаго въ душѣ народной, какъ деревянная копія отъ оригинала художника". Ифигенію играла извѣстная нѣмецкая артистка Рейхеръ, "отчаянная" эсперантистка.

— Намъ пишутъ изъ **Остенда**: На этой недѣлѣ здѣсь выступили Ф. Литвинъ и А. М. Давыдовъ. Ф. Литвинъ выступила 19-го августа въ Hotel Palace Royal. Это первоклассная грандіозная гостиница, составляющая самостоятельный курортъ со своими ваннами и кабинами, своимъ игорнымъ домомъ, своимъ концертнымъ заломъ, въ которомъ круглый сезонъ играетъ знаменитый парижскій оркестръ при участіи каждый день новизго гастролера. Между прочимъ здѣсь выступала нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ наша соотечественница Труханова, пѣла Ванъ-Дюкъ, Лина Кавальери, игралъ Р. Тоньо. Успѣхъ Ф. Литвинъ имѣла очень большой. Она исполнила вещи Вагнера, Глюка, Шумана и др. иностранныхъ композиторовъ и нѣсколько номеровъ на бисъ. Интересно, что она пѣла всѣ вещи на томъ языкѣ, на которомъ онѣ написаны.

На другой день 20-го августа уже въ курзалѣ, гдѣ играетъ симфоническій оркестръ изъ 150 человѣкъ подъ управленіемъ Ринскора и каждый день при участіи какой-нибудь европейской знаменитости, пѣла впервые русскій пѣвецъ А. М. Давыдовъ. Онъ пѣлъ въ этотъ день арію Ленскаго, арію изъ „Жидовки“ и на бисъ два романса. Все есть у А. Давыдова, кромѣ голоса, и это сильно отразилось на успѣхѣ. Не большій или не меньшій успѣхъ имѣлъ г. Давыдовъ и въ воскресенье, 23-го августа, когда онъ исполнилъ арію изъ „Гальки“ и изъ „Дубровскаго“ и на бисъ италианскій романсъ. Давыдовъ пѣлъ по-русски.

Письма въ редакцію.

М. г. Черезъ пять слишкомъ недѣль г. Ланской, наконецъ-то, удосужился выступить съ опроверженіемъ моего письма, въ которомъ я обвиняю его въ цѣломъ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ. Тонъ письма г. Л. побуждаетъ меня еще разъ возвратиться къ предмету. Поразительнѣе всего равнодушіе, съ которымъ г. Л. проходитъ мимо самыхъ вопіющихъ фактовъ. Онъ какъ бы совершенно не замѣчаетъ ихъ. Чѣмъ отвѣчаетъ г. Л., какъ онъ оправдывается и опровергаетъ меня? Какими средствами? Бранью и инсинуаціями. О какихъ закусныхъ дрязгахъ, о какой грызнѣ говорить г. Л., когда объ нихъ и помину не было? Напротивъ, въ труппѣ царило рѣдкое и полное единеніе и хорошее другъ къ другу отношеніе. Какъ бы слѣдую пословицѣ, что „горе сближаетъ людей“, такъ и въ данномъ случаѣ, нужда и лишенія соединили всѣхъ воедино, и г. Л., кромѣ сочувствія и самаго ревностнаго, а при такомъ положеніи дѣла, прямо-таки достойнаго удивленія—отношенія къ дѣлу—ничего иного не встрѣчалъ. Я оставляю на совѣсти г. Л. его утвержденіе, что актеры относились къ дѣлу „спустя рукава, не зная ролей и пр.“ Позволю себѣ привести здѣсь два факта, изъ которыхъ, пожалуй, будетъ уяснено отношеніе къ дѣлу труппы и г. Ланского:

1) Объявъ труппу пріѣхать въ Кр—гъ за недѣлю до начала спектаклей, самъ Ланской пріѣхалъ туда только за 3 дня. Такимъ образомъ, для объявленныхъ четырехъ рядовыхъ спектаклей (14, 15, 16 и 17 апр.) оставалось шесть репетицій, считая по 2 въ день и по одной—въ день спектакля. Изъ нихъ одна репетиція была удѣлена статистамъ для обстановочной пьесы „Газавать“, другая—вовсе не состоялась, т. к. г. Л. былъ занятъ розысками вора, похитившаго изъ гостиницы его пальто, а еще одна—третья репетиція, въ страстную субботу, по неизвѣстной причинѣ была отмѣнена. Тщетно я и актриса Ш. умоляли г. Л. не отмѣнять назначенной репетиціи. Г. Л. былъ „неумолимъ“ и лишь просилъ труппу подтянуться. И труппа подтянулась, роли были выучены назубокъ.

2) Включивъ въ свой репертуаръ пьесу „Освобожденіе челоуѣка“ г. Л. не только не зналъ содержанія пьесы, но не имѣлъ никакого представленія объ изображаемой имъ роли и просилъ меня поставить пьесу и заодно ужъ и опредѣлить, кого онъ долженъ играть, т. к. все одно онъ ни пьесы, ни роли читать не будетъ...

Въ заключеніе считаю долгомъ заявить еще слѣдующее: такъ какъ наша полемика ни къ чему не поведетъ и г. Л. путемъ печати ни въ чемъ не убѣдишь, то открыто заявляю, что охотно подчинюсь рѣшенію любого суда, выборъ предоставляю сдѣлать г. Л. Полагаю, что только безпристрастный и нелицепріятный судъ рѣшитъ, кто изъ насъ правъ, и заодно ужъ рѣшитъ, кому принадлежитъ честь и право быть причисленнымъ къ категоріи интеллигентныхъ людей.

П. О. Медведь.

М. г. На лѣтній сезонъ съ 15-го іюня по 15-е сентября с. г., я былъ приглашенъ гг. Чекиневымъ и Бондаренко въ г. Вологду режиссеромъ малорусской труппы. При приглашеніи меня увѣрили, что они люди состоятельные, а также, что труппа большая и отлично сформирована. Пріѣхавъ въ г. Вологду, я увидѣлъ, что не только никакой труппы нѣтъ, но даже хора, оркестра, бутафоріи, пьесъ и т. п. Я сейчасъ же заявилъ гг. Чекиневу и Бондаренко, что при подобныхъ условіяхъ я затрудняюсь вести дѣло. Гг. Чекиневъ и Бондаренко поручили мнѣ пригласить необходимыхъ артистовъ, а пока до пріѣзда артистовъ поставить что-нибудь съ наличнымъ составомъ, подкрѣпленнымъ любителями.

8-го іюля послѣ ряда неудачныхъ (понятно почему) спектаклей, г. Чекиневъ, (который взялъ на себя веденіе дѣла) заявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло, предпоживъ разсчитать насъ не по 15-е сентября, а лишь по 8-е іюля. Мы конечно возмущились подобнымъ предложеніемъ. Въ концѣ-концовъ только 27 іюля намъ уплатили по 15 іюля и мы еле выбрались изъ г. Вологды.

Теперь выяснилось, что гг. Чекиневъ и Бондаренко и не думали приглашать гѣхъ артистовъ, которымъ были посланы телеграммы, находя это лишнимъ расходомъ.

Изъ отчета, посланнаго въ журналъ „Театръ и Искусство“, а также въ кіевскую газету „Рада“, я узналъ, что это дѣло всецѣло приписано мнѣ, тогда какъ я самъ служилъ только режиссеромъ.

Надѣюсь, что, узнавъ все это, мои товарищи артисты примутъ мое сердечное извиненіе, за причиненную имъ несправедливость не по моей винѣ.

Я старый актеръ, много видѣвшій на своемъ вѣку, но никогда мнѣ не приходилось быть предметомъ подобной эксплуатаціи.

Пр. и пр. артистъ *Стефанъ Ивановичъ Мирскій*.
г. Кадниковъ, Вологодск. губ.

7 августа.

М. г. Неоткажите огласить поступокъ музыканта-скрипача и хормейстера Николая Леонидовича Крылова, служившаго въ нашемъ городѣ, въ оркестрѣ Ушакова для свѣдѣній антрепренеровъ и дирижеровъ оркестровъ. Г. Крыловъ, получивши около ста рублей для раздачи жалованья хористамъ, присвоилъ себѣ эти деньги и скрылся неизвѣстно куда изъ города, лишивъ, такимъ образомъ, мѣсячнаго жалованья хористовъ и оставивъ ихъ голодать.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи. Уполномоченный Совѣта Императорскаго Театральнаго Общества

Н. Вологовскій.

Тюмень.
5 августа 1908 г.

По провѣщанію.

Александрія, Херс. губ. Намъ телеграфируютъ: „Новый александринскій театръ снятъ на два года Георгіемъ Костантиновичемъ Розановымъ“.

Кіевъ. Театръ М. Е. Медвѣдева. Въ настоящее время заканчивается производящаяся подъ руководствомъ М. Е. Медвѣдева перестройка бывшаго дворянскаго собранія, въ которомъ будетъ открытъ театръ и оперно-драматическіе курсы М. Е. Медвѣдева. Театръ занимаетъ 19 просторныхъ комнатъ, въ томъ числѣ большой зрительный залъ. Все помѣщеніе театра разсчитано на 1,200 челоу. Въ теченіе предстоящаго зимняго сезона въ этомъ театрѣ предполагаются спектакли италианской оперы и столичной (?) драмы.

При театрѣ Медвѣдева открываются оперно-драматическіе курсы. Открытіе сезона въ театрѣ состоится 15 сентября симфоническимъ концертомъ, посвященнымъ памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

— Украинская труппа П. К. Саксаганскаго заканчиваетъ здѣсь сезонъ 1-го сентября. Съ 1-го октября два мѣсяца играетъ въ Минскѣ, затѣмъ въ Могилевѣ и Смоленскѣ. Съ 1-го сентября по 1-е октября труппа отдыхаетъ.

— Въ дачной мѣстности „Веселыя горы“, подъ Кіевомъ, съ цѣлью самоубійства, ранилъ себя изъ револьвера артистъ Соловцовъ (псевдонимъ).

Одесса. 1-го августа начались репетиціи въ гор. театрѣ. Въ этотъ день въ 11 ч. утра собралась вся труппа. Режиссеръ г. Марджановъ обратился къ артистамъ съ рѣчью, въ которой предупреждалъ труппу, что онъ отдается режиссерству всей душой и не выноситъ индифферентнаго, халатнаго отношенія къ сценѣ, просилъ быть внимательными къ его заманіямъ, что онъ очень горячъ и что могутъ быть всякія недоразумѣнія.

Вечеромъ состоялась читка „Комедіи любви“, которой

1. В. И. Хохловъ, 2. В. П. Пасхалова, 3. Н. З. Каменская, 4. А. П. Ченлыгинъ, 5. А. К. Застольскій, 6. режис. А. П. Горинъ, 7. М. Ф. Поляскій, 8. Щегловъ, 9. А. А. Вълостойскій, 10. С. Л. Штейнъ, 11. П. М. Добролюбовъ, 12. Л. И. Молякъ, 13. Л. А. Нильская, 14. В. Д. Далина, 15. Н. Н. Мацкій, 16. С. З. Ковалева, 17. пом. режис. А. Ф. Миловиловъ, 18. суфл. С. Е. Шураковъ.

Сызранская драматическая труппа. Лѣтній сезонъ 1908 г.

открывается сезонъ. Г. Марджановъ самъ читалъ всю пьесу и, вообще, дѣлалъ все самъ, объясняя тонъ, въ которомъ должна вестись пьеса, характеры нѣкоторыхъ ролей, подробности костюмовъ и т. п. Второй режиссеръ г. Алексѣевъ-Месхивъ ставитъ „Недоросль“, „Власть тьмы“, и др.

Петропавловскъ. Намъ телеграфируютъ: „Согласно контрактовъ сезонъ закончили тринадцатаго съ убыткомъ въ пять тысячъ руб. Непрерывные дожди. Артистамъ уплачено сполна.“

Ровно. Намъ пишутъ: 6 августа начались спектакли мало-русской труппы Д. А. Гайдамаки въ зимнемъ театрѣ Зафрана. Прошли: „Доки солнце зйде, роса очи выистъ“, „Маруся Богуславна“ и „Вій“. Составъ труппы довольно сильный. Хоръ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Недурной оркестръ. Сборъ отличные.

Ростовъ-на-Дону. Г. Соболевъ-Самаринъ дѣятельно готовится къ открытію сезона. вмѣстѣ съ своимъ режиссеромъ г. Урванцовымъ онъ занялъ выработкой общаго плана репертуара, декораций и т. п. Сезонъ открывается 15-го сентября. Тѣмъ серьезнѣе г. Соболевъ готовится къ предстоящему сезону, что, какъ онъ заявилъ интервьюеру „Южнаго телеграфа“, въ нынѣшнемъ году онъ окончательно отказался отъ антрепризы въ Казани и Ставрополѣ (Саратовѣ?) и такимъ образомъ будетъ исключительно занятъ Ростовомъ. Въ настоящее время въ театрѣ идетъ горячая работа по его переустройству. Театръ ремонтируется почти заново. Между прочимъ уничтожена суфлерская будка, которая будетъ скрыта отъ публики. Перестроена система электрическаго освѣщенія. Будка электротехника будетъ помѣщаться не за кулисами, какъ это было до сихъ поръ, а подъ сценой и изъ скрытой отъ публики будки электротехникъ можетъ лично проверять свѣтовые эффекты въ каждый данный моментъ. Устраивается развѣжная занавѣсь. Уничтожается вся старая система декораций вмѣстѣ съ традиционными боковыми кулисами, благодаря чему, гдѣ-бы вы ни сидѣли, передъ вами всегда будетъ „воздухъ“. Между прочимъ будетъ широко использовано примѣненіе для свѣтовыхъ эффектовъ электрическаго волшебнаго фонаря, при посредствѣ котораго на полотно будутъ передаваться тучи, молнія, солнце и т. д.

Саратовъ. Антрепренеръ Очкинскаго театра г. Понормовъ-Сокольскій письмомъ въ редакцію опровергаетъ слухи, будто онъ не платитъ жалованье артистамъ... „Хотя дѣла мои, заявляетъ онъ, и не блестящи, но жалованье я плачу пока аккуратно.“

Въ труппѣ г. Понормова-Сокольскаго сейчасъ гастролируетъ М. М. Петипа, предстоятъ гастроли г. Орленева.

— Въ Общедоступномъ театрѣ зимній сезонъ открывается 15 сентября. Какъ передаютъ мѣстные газеты, В. А. Марковский вошелъ въ компанію съ артистомъ г. Карамазовымъ.

Ялта. Новый каменный театръ С. Н. Новикова возлѣ городского сада будетъ окончательно готовъ въ послѣднихъ числахъ августа. Представленія въ немъ начнутся 1 сентября

спектаклями опереточной труппы Рафальскаго, если Думбадзе разрѣшитъ проживать здѣсь 8 артистамъ труппы изъ евреевъ. Если это разрѣшеніе не будетъ дано, то театръ на 10 дней отдастся трансформатору Франкарди.

Постройка театра обошлась въ 40 т. руб. Помѣщеніе рассчитано на 650 мѣстъ, дающихъ 900 руб. сбора при обыкновенныхъ цѣнахъ, отъ 40 к. до 5 р. Кресла партера новѣйшаго образца—съ автоматическими спинками.

Памяти И. С. Тургенева.

Представьте себѣ такую, чисто тургеневскую, сценку.

Хмурый осенній августовскій день. За окномъ, слегка барабана по стекламъ, мороситъ дождь. Вокругъ камина собрался небольшой кружокъ гостей, бережно держащихъ передъ собой маленькія чашечки душистаго кофе. Хозяинъ, по-пыхивая сигарой и уютно усаживаясь въ покойную качалку, начинаетъ разсказъ.

— Я разскажу вамъ, господа, объ одномъ выдающемся талантѣ, но одинокомъ, лишнемъ человѣкѣ.

Сонно спрашиваютъ гости:

— Кто же это, простите за нескромный вопросъ?

— Это Тургеневъ.

— Хорошо, мы готовы...

И лѣниво примутся за кофе, тихо вбирая его подъ разсказъ хозяина...

Именно такое впечатлѣніе производитъ на меня то, что принято называть тургеневскими днями, тургеневскимъ юбилеемъ.

Пили люди кофе, жили своей жизнью, волновались своими дѣлами, тѣмъ новымъ, что происходитъ вокругъ, и вдругъ заговорили о Тургеневѣ...

Это совершенно не то, что юбилей Толстого. Насколько Толстой волнуетъ, до боли трогаетъ, даже мучитъ—настолько Тургеневъ кажется чѣмъ-то далекимъ, а его юбилей тѣмъ холоднымъ вѣн-

комъ, который приносятъ по обычаю, но безъ ро-
синки слезъ на старую могилу...

И совершенно не потому, что Толстой живъ, а
Тургеневъ умеръ...

Припомните юбилей Пушкина, Бѣлинскаго. Сколько
было тутъ живыхъ волненій, споровъ! Очевидно,
и сейчасъ еще, какъ и при жизни, Тургеневъ про-
должаетъ быть одинокимъ, лишнимъ человѣкомъ,
о страданіяхъ котораго написано имъ столько за-
хватывающихъ строкъ...

И сейчасъ, когда произносится это имя, и вспо-
минаешь тихія и прекрасныя страницы его книгъ,
съ которыхъ глядятъ отраженія русской
жизни,—прежде все-
го встаетъ скорбный
образъ тоскующаго
человѣка, одинокаго
въ своемъ горѣ, чело-
вѣка съ нѣжной, любя-
щей, отзывчивой, очень
тонкой, многогранной,
ароматной душой...

И вамъ хочется ду-
мать и говорить не о
писателѣ, а о Турге-
невѣ, о человѣкѣ имен-
но такъ, какъ это лю-
билъ самъ Тургеневъ,
хотѣвшій, чтобы на
него смотрѣли «не
какъ на литератора, а
какъ на человѣка»...

На всемъ, что вы-
шло изъ подъ пера
Тургенева, начиная съ
его писемъ, стихотво-
реній въ прозѣ и до
крупныхъ романовъ,
лежитъ печать глубо-
кой, подчасъ безы-
сходной тоски, грусти,
самаго искренняго го-
ря. Задумчиво-мелан-
холическій, грустный
тонъ, тихо звучащій
въ каждомъ словѣ
Тургенева и не имѣю-
щій ничего общаго съ
гражданской скорбью, ни съ безнадежнымъ пес-
симизмомъ, разлитый во всѣхъ его произведеніяхъ,
этотъ тонъ—искренній отзвукъ его жизни.

Онъ роднитъ Тургенева съ Чеховымъ и, перели-
стывая страницу за страницей, вы какъ будто бы
ходите по «Вишневому саду» и слышите грустный
голосъ забытаго, заключеннаго въ покинутомъ бар-
скомъ домѣ, старика Фирса.

Одинокаго, оторваннаго отъ всего самаго доро-
гого, что заключено въ пустомъ домѣ, Фирса...

Съ раннихъ, чуть ли не дѣтскихъ, дней Турге-
невъ почувствовалъ себя такимъ Фирсомъ.

Семья не дала ему той теплой душевной атмо-
сферы, которая ему была такъ нужна. Онъ росъ
одиоко, и вотъ источникъ той нѣжной любви къ
природѣ, которая дала ему единственно отрадныя
впечатлѣнія. Съ какимъ чувствомъ онъ всегда гово-
ритъ, наприимѣръ, о своемъ садѣ! Здѣсь у него
«фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя только
ему одному»... Съ этимъ садомъ у него, какъ у
Чулкатурина, «лишняго человѣка», связаны «почти
единственныя свѣтлыя воспоминанія». Больной, «по-

херенный», онъ трогательно вспоминаетъ объ этомъ
старомъ и единственномъ другѣ своего дѣтства.

—«Когда вы будете въ Спасскомъ, пишите онъ
Я. П. Полонскому, поклонитесь отъ меня дому,
саду, моему молодому дубу—родинѣ поклонитесь,
которую, вѣроятно, я уже никогда не увижу!..»

Но судьба оторвала его отъ этого единственнаго
друга и, взаимнѣ, въ сущности не дала ему ничего...

Какъ Фирса она отдѣлила его отъ дорогаго «вишне-
ваго сада» и заколотила въ стѣнахъ, откуда его человѣ-
ческіе стоны замѣнены были очень нескоро... Только
подъ конецъ жизни, вѣрнѣе даже, послѣ смерти...

«Однолюбъ», какъ
его называли въ дѣт-
ствѣ, Тургеневъ въ
ранней юности меч-
талъ о «гнѣздѣ», ко-
торое дало бы ему,
«человѣку безъ семей-
ныхъ воспоминаній»
неизвѣданную «отраду
ежедневныхъ отноше-
ній и привычекъ», о
тихомъ счастьѣ у се-
мейнаго очага, о ре-
бенкѣ отъ любимой
женщины...

Судьба послала ему
любовь, исключитель-
ную любовь, послала
ему женщину, въ ко-
торой онъ сосредото-
чилъ всего себя, весь
міръ, но которая не
могла ему отвѣтить
тѣмъ же,—не могла,
навѣрно, даже и по-
нять его.

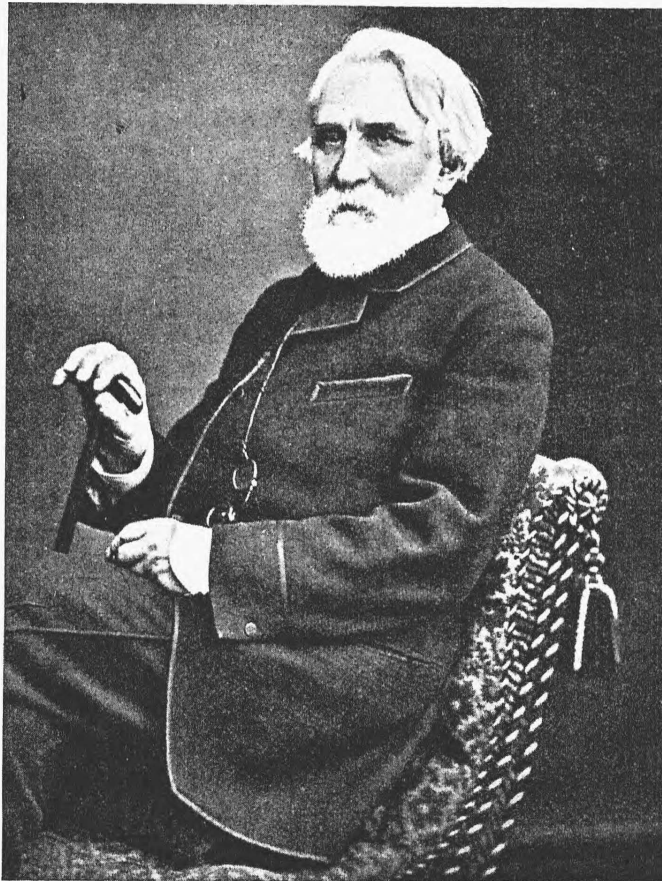
И вотъ начинается
тяжелая драма, драма
всей жизни Тургенева,
которую переживаютъ
и всѣ его герои.

У Тургенева были
поклонницы, его лю-
били, но онъ былъ имъ
чуждъ. Онъ отвергалъ
ихъ, какъ Рудинъ
отвергъ искреннюю,
готовую на самопо-

жертвованіе Наташу, какъ г. Н., несмотря на «жгу-
чее, глубокое, нѣжное чувство» къ Асѣ, отстра-
нилъ ее отъ себя, когда она, явившись къ нему
на свиданіе, прошептала «ваша»... «Если бы, гово-
рить Ася, вы мнѣ сказали одно слово, одно только
слово—я бы осталась»... Но ни Рудинъ, ни г. Н.
этого слова не произносятъ. Въ рѣшительную ми-
нуту они начинаютъ анализировать свои чувства,
думать о долгѣ, о счастьѣ своемъ и любящихъ
ихъ женщинъ, добиваются до чего-то основнаго,
главнаго чувства и въ результатѣ—холодный, часто
жестокій отвѣтъ на искренній и горячій вопросъ.

У Тургенева были подобныя же встрѣчи... Онъ
любилъ и сохранилъ до конца жизни самыя тро-
гательныя воспоминанія о своей однофамилицѣ
О. А. Тургеневой, о баронессѣ Вревской, которой
посвятилъ полное поэзіи стихотвореніе въ прозѣ,
близокъ былъ къ женитьбѣ, но въ рѣшительную
минуту шелъ назадъ, хотя и видѣлъ, что причи-
няетъ этимъ искреннее и острое горе любившимъ
его.

Мѣшало основное глубокое чувство, приведшее его

И. С. Тургеневъ.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти—22 августа).

въ концѣ концовъ къ тому, что онъ поселился на краешкѣ чужого гнѣзда, гдѣ порой чувствовал себя «спокойно и тепло», а гораздо чаще одиноко, тоскливо, холодно...

Письма его, относящіяся къ этому времени,—грустные жалобы того же забытаго чеховскаго Фирса.

Перелистывая ихъ одно за другимъ, вчитываясь въ его произведенія, вы видите, какъ на него постепенно мало по малу начинается повѣвать холодкомъ старости, какъ одиночество становится все болѣе и болѣе тяжкимъ...

На вашихъ глазахъ Тургеневъ превращается въ ту приросшую къ угесу устрицу, о страданіяхъ которой не разъ говоритъ,—въ «старого моллюска».

«Равнодушная» природа становится теперь для него уже не только равнодушной, но «грозной, страшной», и его душа, подъ «холоднымъ, безучастно устремленнымъ на него взглядомъ природы «нѣмѣетъ и замираетъ», онъ съ особенной болью «чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность»...

Такъ же, какъ природа, онъ самъ становится равнодушнымъ ко всему его окружающему. «Холодъ старости,—пишетъ онъ,—проникаетъ въ мою душу, сильнѣе охватываетъ ее; равнодушіе ко всему, которое я въ себѣ замѣчаю, меня самого пугаетъ...»

Даже молодости Тургеневъ вспоминаетъ съ болью.

— «Мнѣ все кажется, говоритъ онъ, что я ею плохо воспользовался, а можетъ быть это мнѣ такъ только кажется, и я именно такъ былъ созданъ, чтобы не умѣть воспользоваться ею»...

Разсказъ «Вешнія воды» какъ-бы отражаетъ въ себѣ это тяжелое настроеніе поздняго сознанія... Герой его Санинъ, разбившій свою молодую любовь и загубившій счастье

безволіемъ и заблужденіемъ, будто отдаленный отголосокъ личной судьбы самого Тургенева.

Съ ужасомъ вспоминаетъ одинокій Санинъ «житіе въ Парижѣ и всѣ униженія, всѣ гадкія муки раба, которому не позволяется ни ревновать, ни жаловаться, и котораго бросаютъ, наконецъ, какъ изношенную одежду»...

Тутъ ужъ слышатся страданія болѣе чѣмъ одинокаго человѣка...

Въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» г. Гутьяръ подбираетъ цѣлый рядъ фактовъ, которыми пытается доказать, что Тургеневъ чувствовалъ себя въ «чужомъ гнѣздѣ» тепло, что его здѣсь любилъ, что г-жа Віардо отнюдь не относилась къ нему безразлично, любила его и давала ему тотъ душевный покой, о которомъ онъ мечталъ всю жизнь.

Напрасный трудъ. Конечно, неправда друзья,

которые стараются очернить г-жу Віардо и представить ее чѣмъ-то въ родѣ эксплуататорши ея друга. Это по преимуществу женщины, хотя и Альфонсъ Додэ, напримѣръ, не мало рассказывалъ объ одиночествѣ Тургенева... Самъ Тургеневъ съ досадою опровергалъ подобныя обвиненія...

Но, съ другой стороны, нельзя также слишкомъ буквально понимать и признанія Тургенева о его счастьѣ.

Онъ не могъ быть счастливымъ, или вѣрнѣе быть счастливымъ, но не могъ не страдать, не испытывать мученій по одному тому уже, что его любовь была чувствомъ исключительнымъ... Его самого пугало его «равнодушіе ко всему окружающему»... Онъ сосредоточилъ всего себя, всего въ чувствѣ къ одной только, захватившей его цѣликомъ женщинѣ... Онъ любилъ родину, любилъ свою родную деревню, куда его, по его-же словамъ, «не только тянуло, а прямо рвало»,—и все это бросилъ. У него была дочь—онъ отдалился отъ нея. Русскій по всему своему складу, по всѣмъ вкусамъ и привычкамъ, онъ поселился за границей, среди чуждыхъ, даже не симпатичныхъ ему французовъ... «Голосъ остался, писалъ онъ оттуда, да пѣть нечего... А пѣть нечего, потому что я живу внѣ Россіи, а не жить внѣ Россіи я по обстоятельствамъ всеильнымъ не могу»... Онъ готовъ былъ пожертвовать даже литературной работой...

Его охватило то горячее, непобѣдимое чувство любви, которое заставляло апостоловъ бросить все, бросить родныхъ, друзей, богатства и идти за Христомъ...

Это чувство фанатической любви, граничащее съ маньячествомъ, не могло привести ни къ чему иному, какъ къ полному и мучительному одиночеству.

Віардо, съ ея сценическими триумфами, ея музыкальными и семейными интересами, не только не могла отвѣчать ему подобнымъ-же чувствомъ, но даже не въ состояніи была его ни оцѣнить, ни понять...

Такъ много ей было не нужно...

Это была самая обыкновенная женщина, любившая въ своей жизни не разъ и многихъ, и для нея такой «однолюбіе» какъ Тургеневъ представлялся даже не уродомъ—она этого не видѣла,—а просто, не болѣе не менѣе, какъ только однимъ изъ ея многочисленныхъ «поклонниковъ». Къ словамъ любви она привыкла, она ихъ слышала въ своей жизни не мало. Тургеневъ только повторялъ то, что ей приходилось слышать отъ другихъ, въ тѣхъ-же выраженіяхъ, съ такими-же, навѣрно, приемами, интонаціями, что и другіе.

Нужно быть тонкимъ психологомъ, такимъ, какъ Мопассанъ, для того чтобы понять, что *les mots de l'amour, qui sont toujours les mêmes, prennent sont gout des levres, dont elles sortent...*

Віардо объ этомъ не думала... Ей было некогда, да и въ голову не приходило, что этотъ здоровый, большой, высокій русскій не похожъ на всѣхъ ее окружавшихъ, и что въ ея обычномъ хороводѣ его голосъ звучитъ какъ-то особо, что любить онъ ее исключительной любовью... Ни ароматъ этой любви, ни ея красота были ей недоступны...

Но она виновата въ этомъ-же столько,—разъ ужъ нужно искать виноватыхъ,—сколько Тургеневъ виноватъ въ томъ, что такъ ее полюбилъ...

И вотъ чувство «случайности», чувство полного одиночества...

Отгородивъ себя отъ всего міра, Тургеневъ по-

Къ 25-лѣтію со дня смерти
И. С. Тургенева.

„Мѣсяцъ въ деревнѣ“ (г-жа Караты-
гина—Лизавета Богдановна).

Къ 25-лѣт. со дня смерти
Тургенева.

„Мѣсяцъ въ деревнѣ“
(Вѣрочка—М. Г. Савина).

глаза, не на ноги, какъ иные это дѣлаютъ, а больше въ щеки, торопливо произносили: а! здравствуй, Чулкатуринъ! тотчасъ отходили въ сторону и даже нѣкоторое время потомъ оставались неподвижными, словно силились что то припомнить...

Сплетенъ о немъ ходило не мало. Тургеневъ оставлялъ ихъ безъ отвѣта. Онъ прекрасно зналъ цѣну пріятельской сплетнѣ, зналъ, какъ обращаться съ этимъ оружіемъ. Въ уста Паклина («Новь») Тургеневъ вложилъ нѣсколько строкъ, направленныхъ противъ одного изъ своихъ «пріятелей» — Фета.

— Былъ у меня, рассказываетъ Паклинъ, пріятель и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи!.. Бывало, смотришь, идетъ ко мнѣ... Представьте, говоритъ: какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ стали спиной. Вѣдь этакая чепуха! Какіе дураки могутъ этому повѣрить? И что-же? Годъ спустя разсорился я съ этимъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: «Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить «почтенную даму, ставши къ ней спиной» и т. д.

Несомнѣнно, все это Тургеневъ понималъ... Сплетни сами по себѣ его трогали не такъ ужъ сильно, но высокая стѣна одиночества, которая окружала его со всѣхъ сторонъ, стѣна, въ которой не оставалось ни одного не заколоченнаго выхода, ни малѣйшаго просвѣта—не могла его не мучить.

Съ каждымъ годомъ, стѣна эта только становилась, выше, плотнѣе, надвигалась на него все больше, и онъ умеръ такимъ-же одинокимъ, такимъ-же «лишнимъ», какъ былъ все время при жизни.

Подобно Чулкатурину, и онъ мечталъ, навѣрно не разъ, особенно въ послѣдніе годы, о другомъ.

«Если-бы теперь, говорилъ Чулкатуринъ, передъ смертью—вѣдь смерть все-таки святое дѣло, вѣдь она возвышаетъ всякое существо—если бы какой-

стоянно наталкивался на признаки, доказывавшіе его одиночество. У него не было друзей. Люди, казалось-бы, наиболѣе родственные, не только не симпатизировали ему, но относились враждебно.

Л. Н. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Некрасовъ—всѣ они не любили Тургенева и нисколько этого не скрывали. «Лишній человѣкъ» Чулкатуринъ прекрасно былъ знакомъ съ этого рода отношеніями и занесъ въ свой дневникъ наблюденіе, знакомое, по видимому и Тургеневу. «Странное, говорилъ Чулкатуринъ, обращеніе моихъ пріятелей всякій разъ, какъ я имъ попадался на встрѣчу или даже къ нимъ захо-

дилъ. Имъ становилось словно неловко, они, идя мнѣ на встрѣчу, какъ-то совсѣмъ неестественно улыба-лись, глядѣли мнѣ не въ

нибудъ милый, грустный, дружескій голосъ пропѣлъ надо мною прощальную пѣсню о собственномъ моемъ горѣ, я бы, можетъ быть, примирился съ нимъ»...

Одиному «лишнему» человѣку хотѣлось, чтобы его пожалѣли, только пожалѣли искренно, съ любовью...

Но для того, чтобы такъ пожалѣть, нужно чтобы полюбили... И не пришлось Тургеневу услышать этой прощальной пѣсни...

Разсказываютъ, въ первый день послѣ смерти, у него между бровей образовалась глубокая морщина. Только на второй день морщина эта, придававшая лицу характеръ горя, исчезла и появилось прежнее доброе, мягкое выраженіе.

Онъ примирился...

Такъ жилъ и умеръ одинокій, лишній человѣкъ... хотя это былъ Тургеневъ.

На его одинокой могилѣ на Волковомъ кладбищѣ нѣтъ цвѣтовъ.

Ихъ некому положить...

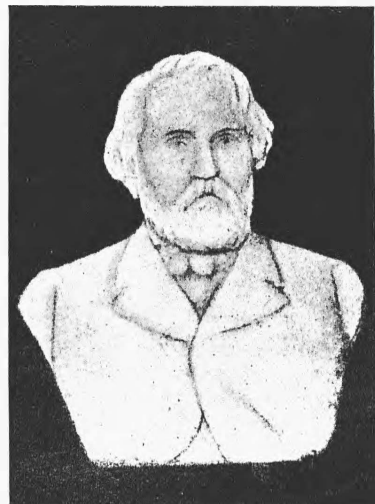
Вл. Боцяновскій.

Изъ матеріаловъ объ И. С. Тургеневѣ.

Врядъ ли кому извѣстно, что Тургеневъ писалъ также и театральныя рецензіи. Рецензіи касались, конечно, Полины Віардо. Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстн. Европы“ находимъ о нихъ любопытныя подробности.

Первая рецензія — въ видѣ письма изъ Парижа, отъ 9-го января 1850 г., за подписью: —О— была напечатана въ „Отечеств. Запискахъ“ (т. 68, Смѣсь, стр. 280—283) подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ оперѣ Мейербергера „Пророкъ“. Начавъ статью сцѣнкой таланта Мейербергера вообще и его „Пророка“ въ частности, указавъ дальше на довольно слабое либретто оперы, авторъ въ главной части своей рецензіи даетъ перечень (въ порядкѣ актовъ) вылающихся номеровъ произведенія, при чемъ только два раза называетъ имя П. Віардо. При общемъ приподнятомъ тонѣ статьи отзвѣты объ игрѣ знаменитой артистки являются очень скромными. Говоря объ аріи Фидесъ „Ah, mon fils“, Иванъ Сергѣевичъ пишетъ только: „Должно также сказать, что Віардо удивительно поетъ эту арію“. Переходя же къ сцѣнкѣ другой большой аріи Фидесъ въ пятомъ актѣ, Тургеневъ опять ограничивается замѣчаніемъ: „Віардо поетъ ее, какъ никто не пѣвалъ до нея“. Только въ заключеніи своей рецензіи онъ выражается сильнѣе: „Что касается актеровъ, то первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ Віардо, которая въ этой роли окончательно стала на одномъ ряду со своей незабвенной сестрой (Малибранъ)“.

Вторая рецензія, написанная почти 20 лѣтъ спустя, касается уже не игры собственно, а композиціи П. Віардо, именно, ея оперетки „Послѣдній колдунъ“. Эта довольно

Гипсовый бюстъ Тургенева работы Антокольскаго.

большая статья въ видѣ письма къ Анненкову напечатана была подъ неточнымъ заглавіемъ: „Второе представленіе оперы г-жи Віардо въ Веймарѣ“. Половина ея занята подробнымъ изложеніемъ либретто, написаннаго самимъ же Тургеневымъ. Приблизительно четверть статьи отведена сверхъ того описанію города, дома Гете, городского театра, и лишь оставшаяся четверть—самой постановкѣ оперетки, а также успѣху двухъ представленій ея. Въ заключеніе Иванъ Сергѣевичъ усиленно рекомендуетъ русской публикѣ собраніе романсовъ П. Віардо. Насколько первая рецензія осталась незамѣченной (къ тому же она явилась анонимной), настолько вторая обратила на себя вниманіе и вниманіе недоброжелательное. По этому поводу Иванъ Сергѣевичъ писалъ Полонскому (5 мая с. с. 1869 г.): „Письмо мое о Веймарѣ—конечно реклама; но реклама о вещи, которую я считаю прекрасной. Но находить безтактнымъ, что послѣ 25-лѣтняго знакомства я въ первый разъ произнесъ имя г-жи Віардо въ такомъ дѣлѣ, которое совершилось вообщѣ всѣхъ, это превосходитъ даже мои ожиданія! Были, однако, особыя причины, заставившія Ивана Сергѣевича взяться за эту „рекламу“. Поклонники таланта П. Віардо и Тургеневъ, прежде всего, надѣялись, что знаменитая пѣвица веймарскими спектаклями начнетъ вторую свою карьеру, карьеру композитора. „Что меня теперь интересуетъ,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ Фету 18 февр. того же 1869 года,—это первое представленіе нашей оперетки въ веймарскомъ театрѣ 8-го апрѣля. Я непременно туда поѣду и буду трепетать, хотя успѣхъ вѣроятенъ: музыка прелестная. Если оперетка понравится, то это можетъ имѣть важное вліяніе на будущую карьеру Віардо: она займется композиціей“. Оперетка имѣла значительный успѣхъ, но П. Віардо приписывала его болѣе горячему участию Листа и дѣятельной поддержкѣ друзей, чѣмъ собственному дарованію, и отказалась отъ дальнѣйшихъ занятій композиціей.

Изъ той же рецензіи мы видимъ, что заботы Тургенева объ артистическихъ успѣхахъ Віардо выражались и въ работахъ его надъ либретто ея оперетокъ, которыхъ было написано въ концѣ 60-хъ годовъ четыре: „La nuit de Saint-Silvestre“, „Le dernier sorcier“, „Trop de femmes“, v L'ogre“.

Изъ нея же видимъ и его заботы о романсахъ г-жи Віардо. Въ этой послѣдней области Иванъ Сергѣевичъ проявилъ особенно много настойчивости и горячности. Съ 1863 года Полина Віардо не безъ вліянія со стороны Ивана Сергѣевича взялась за сочиненіе музыки къ ряду стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Фета и одного стихотворенія самаго Тургенева. Романсы были изданы затѣмъ въ четырехъ альбомахъ съ соотвѣтствующимъ русскимъ, а въ первыхъ двухъ еще и съ нѣмецкимъ текстомъ. Надо прочесть письмо Ивана Сергѣевича къ нѣмецкому переводчику этихъ стихотвореній, Ф. Боденштедту, чтобы видѣть, какое горячее участіе принимаетъ онъ въ изданіи. О томъ же свидѣлствуютъ и письма его къ Анненкову. Посылая ему третій альбомъ романсовъ подъ заглавіемъ: „Пять стихотвореній Лермонтова и Тургенева, положенныя на музыку П. Віардо-Гарсиа“, и прося напечатать объ альбомѣ статью въ одной изъ столичныхъ газетъ, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ между прочимъ: „Я, вы знаете, самъ для себя никогда рекламъ не писывалъ и не заставлялъ писать другихъ, но есть особа, для которой я не только на рекламы, но все пушусь“. Анненковъ дѣйствительно тепло и дѣльно рекомендовалъ романсы П. Віардо, но Иванъ Сергѣевичъ не счумѣлъ „пуститься на рекламы“. Желая распространить альбомы среди большой публики, онъ прежде всего... высмѣялъ эту публику въ указанной выше веймарской рецензіи. Удивляясь недостаточному успѣху романсовъ Віардо среди своихъ соотечественниковъ, Тургеневъ пишетъ: „Какъ будто тѣ плохіе штабъ-ротмистры въ отставкѣ и полинялыя свѣтскія дамы, которыми снабжается нашъ музыкальный рынокъ, и которые набираютъ свои романсики по слуху, тыкая одними пальцами по фортопіано, какъ будто они способны найти настоящее музыкальное выраженіе поэтической мысли, чѣмъ гениальная дочь Гарсиа, про которую и Мейерберъ, и Оберъ, и Россини, и Вагнеръ—въ одно слово объявили, что она — сама музыка, la musique même! Но значительныя трудности аккомпанимента романсовъ дѣлали то, что, „плохіе штабъ-ротмистры въ отставкѣ“ и „полинялыя свѣтскія дамы“ все же первенствовали во вкусахъ толпы.

Малехъкая хрочика.

*** Самый сѣверный театръ въ Европѣ, это на Исландскихъ островахъ, въ главномъ городѣ Рейкьявикѣ. Сезонъ продолжается съ октября по апрѣль. Играютъ два-три раза въ недѣлю. Все населеніе Рейкьявика равняется 9,000 жителей, тѣмъ не менѣе театръ существуетъ. Репертуаръ составляется главнымъ образомъ, изъ пьесъ Ибсена и Бьернсена и мѣстныхъ исландскихъ „Гансовъ“—авторовъ. Общій бюджетъ—какова дешевизна жизни!—5,000 руб., при 250 руб. субсидіи, при чемъ актеры всѣ одинаково получаютъ 5 руб., разовыхъ. Жалованія не полагается; дѣять жиръ и съ жиру не бѣсятся.

*** Въ „Нов. Вр.“ напечатана довольно обширная замѣтка „Къ учебному сезону“, въ которой достается театральнымъ школамъ. И такія онѣ, и сякія, и этакія. „Смѣшны всѣ эти преподаватели“, и школа—это „проклятіе театра“, и вы „выйдете изъ нея такимъ же бездарнымъ“, какъ тѣ, которые „поучали васъ“, и вообще „школа ничему не можетъ научить“.

Взглянь, какъ взглянь. Но замѣтка заканчивается восклицаніемъ „Богъ въ помощь!“ школѣ Лит.-Худ. Общества, т. е. собственной нововременской...

Дѣло, конечно, торговое. Однако неужели нельзя было тоже самое напечатать безъ разныхъ „кислыхъ словъ“ по поводу „смѣшныхъ преподавателей“, „столь же бездарныхъ“ и пр.? Все-таки могутъ выйти домашнія недоразумѣнія и qui pro quo...

*** Какъ извѣстно, Тургеневъ игралъ купца Абдулина въ „Ревизорѣ“, поставленномъ литераторами. Курьезно, что Тургеневъ игралъ купца Абдулина... въ пенснѣ. Его никакъ нельзя было уговорить разстаться съ этимъ, во всякомъ случаѣ, не абдулиновскимъ украшеніемъ. „Я ничего не увижу“, говорилъ Тургеневъ, — и помолчавъ, прибавилъ:

— И не услышу суфлера...

Изъ берлинскихъ впечатлѣній.

Я общалъ поговорить о берлинскомъ Шиллеръ-театрѣ: онъ стоитъ того. Главою, директоромъ этого театра является Раф. Левенфельдъ, извѣстный переводчикъ произведеній Л. Н. Толстого на нѣмецкій языкъ. Г. Левенфельдъ, котораго я засталъ утромъ въ театрѣ, сейчасъ-же повелъ меня показывать зданіе.

Это, дѣйствительно, замѣчательный театръ. Онъ выстроенъ на одной изъ самыхъ широкихъ улицъ—«аллей» Шарлотенбурга,—пригорода, ставшаго лучшею частью Берлина, но имѣющаго свое самоуправленіе.

Театръ этотъ городской, «думскій», что-ли, по нашему.

Въ Шарлотенбургѣ дума поступаетъ не совсѣмъ такъ, какъ петербургская, которая кушаетъ севрюгу, и въ минуты, не посвященныя пищеваренію, изыскиваетъ способы извлеченія дохода изъ театровъ.

Шарлотенбургскій муниципалитетъ выстроилъ чудесное зданіе, съ широкими, свѣтлыми коридорами, замѣняющими фойе, и сдалъ театръ не чиновнику изъ градоначальства, какъ сдавала петербургская дума одно время свой ветхій Василеостровский театръ, а образованному, чуткому литератору и театральному дѣятелю. Цѣны крайне общедоступны—до 2 марокъ т. е. до 1 р. Мѣстъ 1,500, и всѣ расположены амфитеатромъ, ложъ нѣтъ. Сцена соединяется съ партеромъ уступами и высится гранитною площадью. Похоже на алтарь. Какъ-то сразу, едва вы переступили порогъ, васъ охватываетъ атмосфера серьезнаго, строгаго, важнаго дѣла — безъ рисовки, безъ подчеркиваній, какъ-то неумовимо просто и ясно.

Г. Левенфельдъ провелъ меня на галерею, откуда я любовался видомъ этого просторнаго, вмѣстительнаго, прекраснаго зала. На сценѣ въ это время репетировали.

На авансценѣ (конечно, суфлерской будки нѣтъ) стоялъ господинъ съ бородою,—режиссеръ г. Кауфманъ, а на сценѣ вели діалогъ два-три актера.

— Знаете, что репетируютъ?—спросилъ меня, улыбаясь Лавенфельдъ.

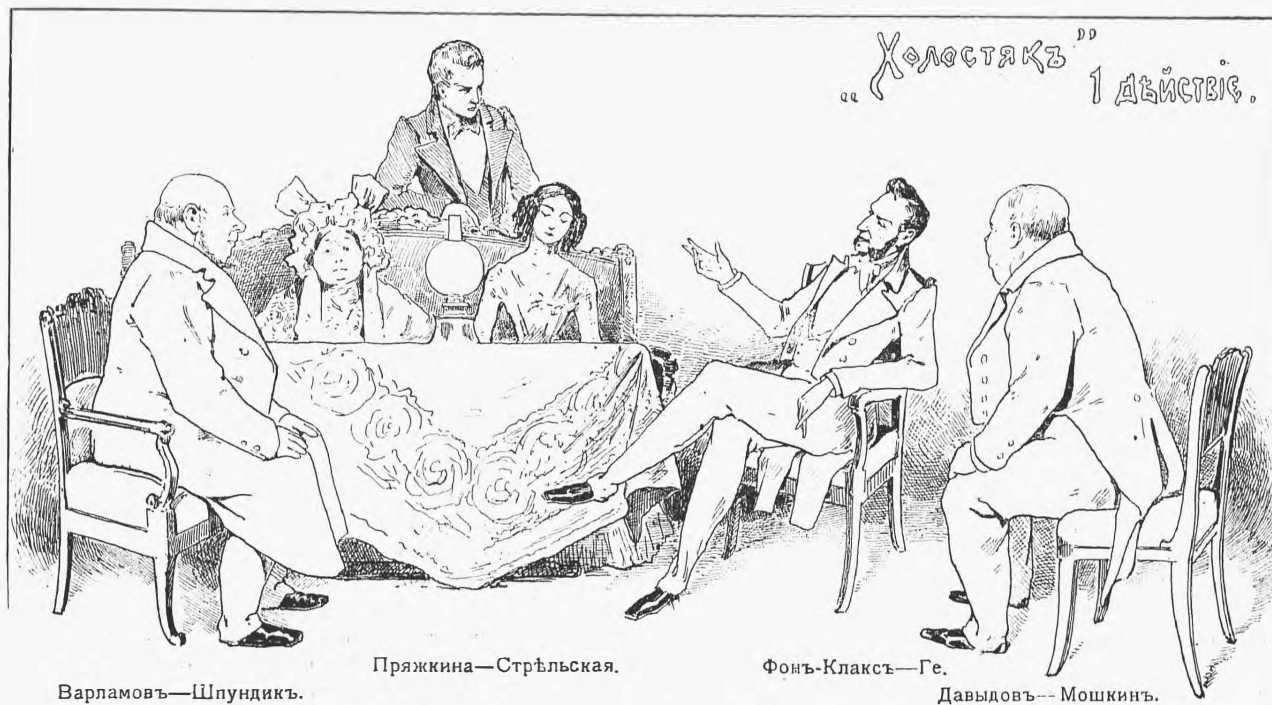
— Нѣтъ, не разслышалъ...

— «Ревизора»!..

Я вслушался. Точно, 4 актъ «Ревизора». Лука Лукичъ представляется Хлестакову. Потомъ вошли Добчинскій и Бобчинскій.

— Послушайте, сказалъ я Левенфельду, — но вѣдь это очень интересно! Когда идетъ «Ревизоръ»?

Оказалось, что черезъ нѣсколько дней. Разумѣется, я отправился въ Шиллеръ-театръ на пред-

Къ 25 лѣтію со дня смерти И. С. Тургенева.

ставленіе «Ревизора». Я въ первый разъ видѣлъ комедію Гоголя у иностранцевъ, если не считать иностранцами труппу г. Суслова, которая нынче зимою играла «Ревизора» по украински, и мнѣ все было интересно и занимательно,—малѣйшія детали постановки, и игра, и самый звукъ нѣмецкой рѣчи, передающей ослѣпительный юморъ Гоголя, и болѣе всего отношеніе публики.

Въ общемъ я остался доволенъ спектаклемъ, конечно если отрѣшиться отъ подробности и искать важнаго и цѣннаго. Мелкія придирки и нападки «на шрифтъ, виньетки и опечатки» мнѣ всегда казались совершенно бесполезнымъ занятіемъ, отравляющимъ удовольствіе, если оно есть. Получить, вообще, эстетическое удовольствіе—такая, въ сущности, рѣдкость, что пробужденіе критиканства въ этомъ случаѣ напоминаетъ какое-то сектантское самоистязаніе. Меня лично часто упрекаютъ въ томъ, что я склоненъ, наоборотъ, бранить, но я не знаю болѣе глубокаго заблужденія. Прошу извиненія за то, что занимаю читателей своей личностью, но дѣло въ томъ, что, будучи критикомъ, я въ тоже время и публика, а для сценическаго міра, вѣроятно, не безынтересно знать психологію, если можно выразиться, театральнаго впечатлѣнія нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, группы зрителей.

Итакъ, я говорю, что та группа эстетически настроенной публики, къ которой я отношу себя, ищетъ существеннаго и важнаго, и потому не обращаетъ вниманія на несущественное и неважное, какъ-бы подчасъ они ни были грубы и безобразны. Конечно, что считать важнымъ и существеннымъ, и не ошибается-ли зритель въ опредѣленіи существеннаго и важнаго? Но фактъ тотъ, что не реагируя душой, онъ не можетъ успокоиться и «отѣхать» на подробностяхъ. Обратно: разъ я захваченъ, мнѣ нѣтъ уже особеннаго дѣла до подробностей, которыя могутъ быть плохи и безцвѣтны. Это досадно, но зачѣмъ-же растравлять себя и взвинчивать? Какъ разъ наканунѣ «Ревизора» я видѣлъ въ «Лессингъ-театрѣ» «Нору». Заглавную роль играла актриса, которую я въ первый разъ видѣлъ—Елена Тришъ, играла такъ очаровательно, такъ тонко, съ такою чарующею женственностью и

съ такимъ обаятельнымъ умомъ, что я сразу простилъ ей всѣ недостатки, которые отлично видѣлъ. Образъ, безконечно милый и прекрасный, я желаю хранить въ сердцѣ, а не разбивать его критиканствомъ. Но вотъ съ Тришъ игралъ Гельмеръ «любимецъ» Берлина, столпъ «Лессингъ-театра», Бас-серманъ,—игралъ со множествомъ яркихъ деталей, но съ тѣмъ особымъ самолюбованіемъ, подчеркиваніемъ, съ тою рисовкою и тѣмъ тщеславіемъ, которые составляютъ неизбѣжную принадлежность d'un vieux sabot, какъ говорятъ французы. Именно въ существенномъ и важномъ онъ не удовлетворилъ меня, и потому, уходя изъ театра, я нисколько не имѣлъ желанія сохранить его образъ въ Гельмерѣ, и вся работа памяти была какъ-бы окрашена отрицательнымъ впечатлѣніемъ. Это и есть то, что называется въ живописи «настроеніемъ пятна». Это — колоритъ, букетъ, субстанція впечатлѣнія.

Съ этой оговоркою скажу что общее впечатлѣніе отъ «Ревизора» было пріятное, если не считать перевода.

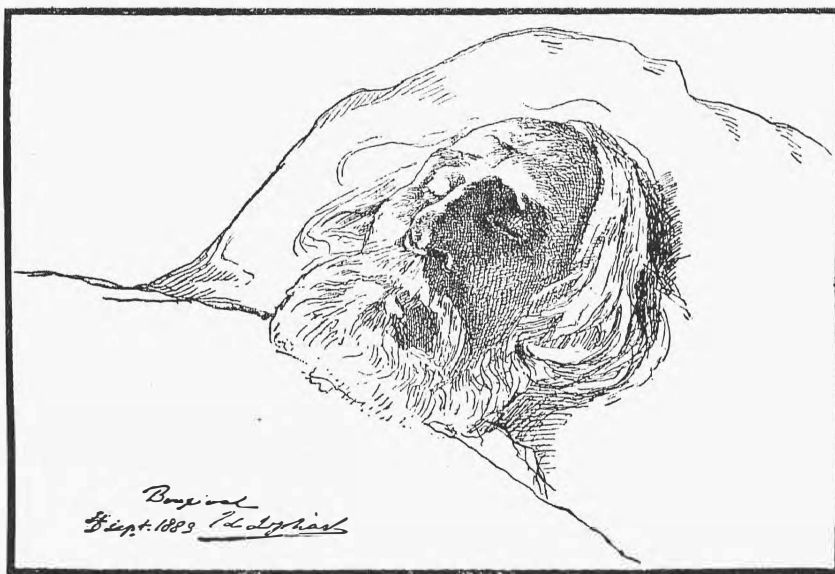
Переводъ таковъ, что иногда казалось, словно на бѣлоснѣжной, сверкающей ослѣпительной чистотой скатерти, запечатлѣвалась чья-то пятерня.

Напримѣръ, въ самомъ началѣ, когда городничій рассказываетъ о томъ, какъ пришли двѣ крысы, понюхали и ушли прочь, сдѣлана такая вставка: «понюхали мои штаны (Beinkleider)». Почему именно штаны? Вотъ ужъ, можно сказать, esprit mal tourné!..

Главное наблюденіе свое я отдалъ публикѣ. Я смотрѣлъ на-право, на-лѣво, впередъ, назадъ. Театръ—1500 мѣстъ—былъ совершенно полонъ, и я не видалъ ни одного лица, которое-бы все время не сохраняло улыбки. Иногда слышался громкій, заразительно-веселый смѣхъ. И знаете, надъ чѣмъ больше всего смѣялись нѣмцы? Всякій разъ, когда городничій упоминалъ имя Божіе! Я сначала подумалъ, что мнѣ это показалось, и что смѣются тутъ, въ сущности, надъ другимъ. Но нѣтъ, смѣхъ возбуждало именно это обращеніе къ Богу, къ «Заступницѣ» и т. д. Русская публика тутъ не находить ничего смѣшнаго; мы привыкли къ тому, что всякій «аршинникъ», «самоварникъ», «надувале морской», и татъ, и убивецъ, и проповѣдникъ не-

нависти и злобы упоминаетъ имя Божіе, и именно тогда, когда особенно собирается надуть, обмануть, сдѣлать что-нибудь гнусное, омерзительное. Это черта какого-то всеискупляющаго религіознаго лицемѣрія, очевидно, до того срослась съ нами, что мы даже не понимаемъ, какъ это прежде всего смѣшно — контрастъ неизмѣримой всеблагости и подлыхъ и мелкихъ помысловъ низкихъ душъ. Именно болѣе смѣшно, нежели кощунственно. Надо имѣть строгое религіозное сознаніе, надо имѣть въ душѣ и сердцѣ идеалъ возвышеннаго «деизма», Бога, свободнаго отъ фарисейства и догматической схоластики — чтобы именно такъ чисто и невозмутимо смѣяться. Не ужасаться безумію «надувалы», а смѣяться надъ его непроходимой религіозною тупостью... Признаюсь, этотъ смѣхъ нѣмецкой публики чрезвычайно возвысилъ ее въ моихъ глазахъ... Пахнуло своимъ, особеннымъ, новымъ міромъ — совсѣмъ другимъ, не нашимъ...

Вообще, въ этотъ вечеръ я испыталъ нѣсколько свѣжихъ впечатлѣній. Я большой любитель и по-

Тургеневъ на смертномъ одрѣ.

клонникъ классической традиціи. Но это не значитъ, что, время отъ времени, въ нее не слѣдуетъ вносить освѣженія. Постановка «Ревизора» у насъ давнымъ-давно сложилась въ «канонъ», и при томъ въ канонъ, не свободный отъ нѣкоторыхъ, порою весьма существенныхъ, первоначальныхъ погрѣшностей. Мнѣ пришлось уже въ другомъ мѣстѣ, по поводу постановки «Ревизора» малороссами, коснуться основной ошибки этого канона. Она заключается въ томъ, что у насъ «Ревизора» пересерьезничали. Это — щепкинская традиція. Щепкинъ былъ очень друженъ съ Гоголемъ, и смотрѣлъ на многое, невольно, не глазами, такъ сказать, непосредственнаго впечатлѣнія, а черезъ очки гоголевскихъ разсужденій. Но если въ Гоголѣ не всегда сидѣлъ «чортъ», какъ полагаетъ нашъ, порою слишкомъ остроумный философъ, г. Мережковский, то, несомнѣнно, сидѣлъ духъ раздвоения. И онъ сжигалъ, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигалъ...

Юмористъ, г. е. благодущный созерцатель, въ немъ вѣчно боролся съ суровымъ учителемъ; духъ Эллады боролся съ духомъ Іудеи; смѣхъ сталкивался съ гнѣвомъ. Какъ Ибсенъ совершенно искренно не замѣчалъ въ себѣ той высшей формы утонченнаго и синтезированнаго реализма, которому имя символизмъ, такъ Гоголь искренно не понималъ,

что смѣхъ — его стихія. Вѣдь писалъ-же онъ, что онъ рисуетъ «внутренній городъ» нашей души, а не городъ Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ, что жандармъ есть «труба второго пришествія», и что Хлестакова Дюръ «ни на волосъ» не понялъ, потому что де Хлестаковъ есть олицетвореніе нашей хлестаковщины — всеобщей, замѣтите. Гоголь никакъ не хотѣлъ разстаться съ мыслью о томъ, что «Ревизора» должно подавать на византійскомъ блюдѣ, подъ соусомъ изъ лампаднаго масла.

Всѣ эти, въ сущности, совершенно постороннія «Ревизору», объясненія, ключъ къ которымъ даетъ «Переписка съ друзьями» и душевная болѣзнь Гоголя, не могли не оказать своего вліянія на Щепкина. Конечно, талантъ Щепкина не позволилъ ему удалиться отъ художественной правды, но налетъ «сурьезности» остался на всей постановкѣ.

Нѣмцы подошли къ «Ревизору», разумѣется, безъ знанія и можетъ быть, даже пониманія бытового уклада русской жизни, но за то съ чистымъ, не затуманеннымъ резонерствомъ, художественнымъ приѣмомъ. Смѣхъ есть смѣхъ — это ясно. «Незримыя слезы» такъ и остаются незримыми, потому что — я сейчасъ выскажу дерзновенную мысль — «незримыя слезы» лежали въ умѣ, а не въ художественной природѣ Гоголя, которому что у Гоголя вовсе нѣтъ ни той тихой, шемающей грусти, которая отличаетъ лирика, ни того саднящаго, болѣзненнаго стона, который слышится въ сладострастномъ мучительствѣ Достоевскаго.

Смѣхъ есть смѣхъ, и потому будемъ смѣяться.

Эта непосредственная точка зрѣнія вноситъ много свѣжаго въ нѣмецкую постановку. Напримѣръ, въ 1 актѣ, когда городничій собирается ѣхать въ гостиницу, режиссеръ заставляетъ его переобуваться изъ домашнихъ туфель въ ботфорты, что онъ дѣлаетъ на ходу, и это выходитъ очень живо

и смѣшно. Хлестаковъ, которому совершенно не нужно символизировать пустоту человѣческой души, ведетъ поэтому всѣ сцены съ большимъ, именно юмористическимъ, одушевленіемъ, чего русскій канонъ не допускаетъ, памятуя, какъ Гоголь разнесъ Дюра за то, что онъ далъ «водевильную» фигуру. Вся пьеса, вообще, идетъ гораздо болѣе живымъ и быстрымъ темпомъ, чѣмъ у насъ, какъ то смѣлѣе, откровеннѣе.

Еще одно, очень любопытное и интересное, отступленіе отъ канона. У насъ Добчинскій и Бобчинскій какъ-то «стилизированы», и изображаютъ не двѣ разновидности уѣздныхъ сплетниковъ, а единую сплетню въ двухъ лицахъ. У нѣмцевъ они индивидуализированы. Одинъ говоритъ стремительно, съ наскокомъ, съ авторитетомъ — онъ командуетъ; другой — робко, неуверенно, такъ какъ у него зубъ со свистомъ, и ясно, что способенъ онъ только плестись «пѣтушкомъ».

Не буду останавливаться на прочемъ. Я хотѣлъ только сказать, что иногда, для освѣженія своихъ традицій, право, не грѣхъ заглянуть къ сосѣдямъ, и посмотрѣть, какъ ихъ непосредственному взгляду представляется наша родная схоластика. За нѣсколько этихъ свѣжихъ впечатлѣній, я конечно, охотно простилъ недочеты исполненія и поста-

новки—и пропускъ иныхъ дѣйствующихъ лицъ, и совершенное обезличеніе Осипа, и фантастическіе порою костюмы, и далекое отъ замысла Гоголя исполненіе нѣкоторыхъ ролей, (напримѣръ, Анны Андреевны), и совершенно ненужную натуралистическую подчеркнутость въ жестахъ городничаго, и курьезные гримы, и купюры, которыхъ было такъ много. Ибо и самая прекрасная дѣвушка не можетъ дать больше того, что она имѣетъ, но прекрасная дѣвушка можетъ многое имѣть. Посмотрѣвъ «Ревизора» въ Шиллеръ-театрѣ, я конечно, не измѣнилъ своего взгляда на роль національнаго и бытового элемента въ театрѣ. Но хорошій режиссеръ—все-таки хорошій режиссеръ, а способные, дѣльные и серьезные актеры остаются таковыми, чего-бы они ни коснулись.

А. Кугель.

У своихъ *).

(Окончаніе).

IV.

Прошло дня два-три. Пашка пилъ, ѣлъ, спалъ, ходилъ по комнатамъ и умилялся, а по вечерамъ разглагольствовалъ о театрѣ, о правахъ режиссера и нормальномъ договорѣ.

— А вы, братецъ, не играли Чацкаго?..—вдругъ спрашиваетъ осмѣлѣвшая Любочка.

— Нѣтъ, дорогая, не игралъ.

— И Гамлета не играли?—разочарованно тянетъ Любочка.

— И Гамлета не игралъ... Это не мое амплуа... Я комедійный актеръ, *jeun-comique*, простакъ.

— А почему вы не играете драматическія роли? Это такъ прекрасно! Къ намъ пріѣзжали актеры въ клубъ—такъ я забыть не могу...

— Что ты, Любочка, пристала—останавливаетъ ее тетенька.—Это не всякій можетъ: одинъ одно—другой другое, всякому свое мѣсто...

Бѣльскій криво усмѣхается—и начинаетъ объяснять, что, конечно, могъ-бы и онъ играть драматическія роли—но что, въ сущности, искусство одно, и оно одинаково возвышенно и чисто, какія-бы роли не играть.

Любочка слушаетъ его и вѣритъ, и сердце у нея полно восторгомъ передъ возвышеннымъ и чистымъ искусствомъ.

Пашка говоритъ, убѣждаетъ—а внутри копошится раздраженіе и досада...

Играть Гамлета—это его мечта!

Начавъ съ водевиля—онъ убѣждалъ себя, что это пока, а настоящее впереди... однако его товарищи переходили на любовниковъ, гремѣли по провинціи, а онъ все игралъ «молодыхъ людей съ тросточкой» и оставался прежнимъ Пашкой Бѣльскимъ.

Разъ лѣтомъ онъ упросилъ антрепренера и сыгралъ Чацкаго. Играя, онъ старался, поднималъ плечи, вылъ, тяжело дышалъ, поддѣлывая темпераментъ, — а его ножки нѣтъ-нѣтъ да и выкидывали водевильное па, голосъ срывался и пускалъ пѣтуховъ, а лѣвая ручка вывертывалась и комически болталась въ воздухѣ.

Отыгралъ онъ Чацкаго. Раекъ хлопалъ, и Пашка въ волненіи ждалъ антрепренерскаго суда.

— Смотрѣлъ я на тебя, Пашка—ну и комикъ ты! И фигура есть, и голосъ есть—а комикъ. Талантище!.. Поиграй ты еще нѣсколько лѣтъ въ воде-

ПАРИЖСКІЙ СЕЗОНЪ.

Г-жа Дюссанъ—„Любовь на стражѣ“.

виляхъ, а тамъ потолстѣешь и валяй въ комики. Я первый тебѣ триста дамъ. При свидѣтеляхъ говорю!

Пашка обратилъ все въ шутку, съѣлъ горькую пилюлю, но въ душѣ затаилъ глубокую обиду.

И теперь онъ старался всячески прогнать горькое воспоминаніе, и чѣмъ больнѣе шевелилось въ душѣ колющее чувство, тѣмъ горячѣе говорилъ онъ о высокомъ искусствѣ и выдающемся успѣхѣ на своемъ амплуа.

— Все это, другъ мой, прекрасно,—перебилъ его дяденька—а вотъ ты мнѣ что скажи: сколько ты получаешь? Успѣхъ и эта игра всякая—все это хорошо, а безъ денегъ, братъ, не проживешь.

Дяденька служилъ въ казначействѣ, служилъ долго, съ юныхъ лѣтъ—и, несмотря на доброе сердце, деньги, матеріальное обезпеченіе и порядокъ считалъ сутью и основой жизни.

— Я получаю 250 р. въ мѣсяцъ (Пашка по привычкѣ совралъ: получалъ онъ полтора ста), бенефисъ даетъ 250, 300 (совралъ и тутъ:—бенефисъ Пашки сбора не далъ), подарки... (Пашка всегда мучительно мечталъ о подаркахъ, и серебряный портсигаръ, который поднесъ ему на Волгѣ знакомый купецъ,—позволялъ ему съ чистой совѣстью вносить подарки въ рубрику прихода)—въ общемъ прилично. Живу слава Богу.

Пашкѣ не рѣдко приходилось круто: жить приходилось въ обрѣзъ, дорого стоили костюмы, переѣзды, номерная жизнь, антрепренеры часто не доплачивали—и дяденька своимъ вопросомъ задѣлъ его больное мѣсто.

— Слава Богу, коли слава Богу. А только вѣдь жульня много! Прошлый разъ ты самъ писалъ, что надулъ тебя твой антрепренеръ... какъ его?.. Казамать что-ли?..

— Нѣтъ, не Казамать... Ну да это пустяки... Я написалъ объ этомъ письмо въ редакцію,—я его проучил!

— Ты письмо написалъ—а у него твои денежки остались... Все-таки, что ни говори, а казенная служба вѣрнѣе вашихъ свободныхъ художествъ...

— А какъ ты, теперь, Пашенька?—вступилась въ разговоръ тетенька. Тебѣ жалованье ни отъ куда нейдетъ?

— Нѣтъ, тетенька... Кто же будетъ платить?.. Я отдыхаю.

— Опять и это плохо. Чиновникъ получитъ отъ

*) См. № 32.

пускъ, отдыхаетъ, а жалованье свое получаетъ,—опять отозвался дяденька. — Ну, а что же дальше ты намъренъ дѣлать?

— У меня есть приглашенія... Весной создается громадное дѣло... на маркахъ.

— Какъ на маркахъ?—удивилась тетенька.

— Марками получать будемъ, кому сколько придется.

— Зачѣмъ же это марками, Пашенька? Деньгами-то лучше-бы, а то куда тебѣ столько марокъ...

Стали разяснять тетенькѣ, что марки—это не почтовые марки, а пай, и что въ такомъ дѣлѣ артисты дѣлать между собой и убытки и барыши.

— Ну еще о барышахъ говорить погоди, а хорошо, что убытки-то не одинъ понесешь; артелью, братъ, лучше чѣмъ отъ хозяина: а то барышъ—ему, а если убытки—не заплатитъ тебѣ, и сиди ты безъ гроша...

— А гдѣ ты, Пашенька, живешь? Квартиру снимаешь? А какъ съ обѣдами? Поди, плохая ѣда? жалѣла тетенька.

— Да, братъ Павелъ,—вздыхнулъ дяденька.—Не мало тебѣ приходится мыкаться. Одни переѣзды чего стоятъ... Да и не легко. Вѣдь ужъ не мальчикъ; годковъ, поди, подъ сорокъ? Постарѣлъ ты, Павелъ, постарѣлъ...

V.

Когда Пашка слушалъ такіе разговоры, на душѣ у него становилось и больно и тревожно... Онъ и самъ не разъ уставалъ отъ кочевой, беспорядочной жизни, отъ постоянной тревоги и волненій за кусокъ хлѣба... Вспомнились ему грязные номера, отдающіеся въ наймы комнаты, жалкія, неуютныя и доступныя всѣмъ какъ проститутки, утомительные переѣзды въ грязныхъ вагонахъ, трактирная ѣда, вонючіе скудные домашніе обѣды, грязная прислуга, грязныя, чужія и чуждыя вещи и люди...

И его жизнь казалась ему такой тяжелой, жалкой и грязной—что сердце ныло отъ острой жалости къ себѣ.

Вспомнилъ онъ усталое лицо, часто глядящее на него изъ зеркала, когда онъ мазался жирными приторными красками,—лицо съ неровной желтой кожей, отекавшее и помятое безпокойной, неправильной жизнью; вспомнилъ свои рѣдѣющіе волосы, тонкія, жидкія руки и отрастающее, старящее его брюшко—и Пашка почувствовалъ, что время идетъ, что онъ уже не бодрый, рѣзвый мальчикъ, когда-то съ восторгомъ разыгрывавшій водевили. Время идетъ, онъ старѣетъ—а самъ стоитъ на мѣстѣ, прикидывается юношей, рѣзвится въ водевиляхъ, какъ бѣлка засаженная въ колесо: Пашка Бѣльскій... «jeun-comique»... Водевильный простакъ...

И ему хотѣлось плакать.

И вотъ однажды онъ вдругъ отбросилъ громкія слова, и увѣренность, и заговорилъ тихо и жалобно какъ ребенокъ, заговорилъ о своей усталости, объ одинокой жизни, обидахъ и волненіяхъ, безпріютности и тоскѣ...

Тетенька вздыхала, слушая его; на круглыхъ свѣтлыхъ глазахъ Любочки навертывались слезы, а дяденька молча качалъ головой и попыхивалъ папирисой.

— Знаешь что, братъ Павелъ, бросилъ-бы ты все это. Оставайся ты здѣсь, можетъ что и выйдетъ. Хочешь я въ казначействѣ похлопочу или въ акцизѣ? Сперва, конечно, получать будешь немного, да это не бѣда. Жить у насъ будешь—расходъ не великъ, а тамъ, Богъ дастъ, и на ноги встанешь. Все это актерство хорошо пока молодъ, а то старость придетъ,—и угла у тебя нѣтъ, некуда и голову преклонить: попробуемъ-ка, братъ...

— Что же, дяденька... попробуемъ...—конфузливо вздохнулъ Пашка.

Дяденька одобрительно крикнулъ, а тетенька радостно вздохнула:

— Далъ-бы Господь!

И только въ круглыхъ глазахъ Любочки мелькнуло недоумѣніе и обида:

— Бросить театръ?!!

VI.

Съ этихъ поръ Пашка съ жаромъ фантазировалъ, какъ онъ будетъ жить въ родномъ городѣ и служить, какъ онъ женится и какъ иногда трянетъ стариной и, устроивъ спектакль, покажетъ мѣстнымъ любителямъ, какъ играетъ Павелъ Бѣльскій.

Шелъ день за днемъ. Пашка спалъ, пилъ чай, завтракалъ, обѣдалъ, спалъ, ужиналъ.

Въ перерывахъ между ѣдой и сномъ ходилъ по комнатамъ и трогалъ старыя знакомыя вещи и говорилъ съ тетенькой о своей будущей новой жизни. Отпустилъ усы и выходя на улицу раскланивался съ сосѣднимъ лавочникомъ.

Но день ото дня становилось ему все скучнѣе и скучнѣе. Надоѣли знакомыя вещи, портреты и картины: некрасивое лицо покойной сестры въ пыльной рамочкѣ изъ раковинъ, озеро, башенки и корава съ утками...

— Почему утки? Почему корова?

Тиканье часовъ и большой, круглый мотающийся маятникъ нагоняетъ на него тоску.

Одурѣвъ отъ ѣды и сна, Пашка не знаетъ за что приняться. Онъ прочелъ отъ корки до корки подвернувшіяся подъ руку разрозненныя тетрадки какихъ-то «литературныхъ приложений»—и читать нечего. Да Пашка и не любитъ читать.

Перебралъ старыя рецензіи—и снова уложилъ ихъ въ чемоданъ.

Разъ какъ-то со скуки началъ учить Гамлета. Но въ разгарѣ чтенія дверь открылась—и заглянула тетенька:

— Ты это съ кѣмъ, Пашенька?—и увидѣвъ, что Пашка одинъ, тетенька недовѣрчиво посмотрѣла на него.

— А мнѣ слышалось, будто ты съ кѣмъ говоришь... Марья нѣтъ здѣсь?.. Марья!..—и тетенька пошла внизъ.

Пашка сконфузился. Попробовалъ читать вполголоса—ничего не выходитъ, и онъ бросилъ Гамлета.

Часами сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на пустую улицу. Выходить не хотѣлось. Скучно. Надоѣли длинные заборы, просохшія и теперь пыльныя безлюдныя улицы и берегъ рѣченки со скамьей на самомъ солнечномъ припекѣ. А поклоны сосѣда лавочника стали казаться обидными и снисходительными.

Сядетъ говорить съ тетенькой—та все охаетъ и вздыхаетъ или уговариваетъ жениться.

— Скучно тебѣ одному, Пашенька. Скучно и не весело.

Дяденька все убѣждалъ приняться за работу и говорилъ объ актерствѣ, словно это нехорошее, стыдное дѣло.

Пашка въ душѣ злится, но молчитъ и тупо ждетъ, когда дадутъ ужинъ и разойдутся спать.

Спитъ онъ долго, до головной боли, и во снѣ видитъ, что служить на почтѣ и продаетъ марки своему антрепренеру, а тотъ хохочетъ и говоритъ ему:

— Комикъ ты, Пашка!

VII.

Подошла шестая недѣля поста, а Пашкѣ кажется, что живетъ онъ здѣсь, у своихъ, цѣлую вѣчность и такая же вѣчность впереди. Ему скучно безъ дѣла, тяготитъ тихая покойная жизнь, тоскливо безъ волнений и тревогъ. А куда дѣться—Пашка и самъ не знаетъ. О весеннемъ дѣлѣ онъ привралъ: были слухи. Онъ просилъ извѣстить его—а писемъ нѣтъ и нѣтъ.

Пашка раскисалъ все больше и больше, и все болѣе тупѣлъ отъ ѣды, бездѣлья и сна.

— Баринъ! Вамъ письмо!—влетѣла къ нему утромъ Марья.

— Письмо?.. Давай скорѣй.

Пашка разорвалъ конвертъ и принялся читать.

Ему писалъ его пріятель, что устраивается поѣздка, интересный репертуаръ, хорошіе города, успѣхъ обезпеченъ, хотятъ его, спрашиваютъ объ условіяхъ.

Пашка ожилъ. Вскочилъ какъ встрепанный и полетѣлъ въ телеграфную контору.

Весь день онъ былъ въ ажитации, писалъ на бумажкахъ какія-то выкладки, соображалъ или ходилъ по комнатамъ и пѣлъ «Тореадора».

Къ вечеру Бѣльскій получилъ телеграмму.

Тетенька встревожилась.

— Что это Пашенька, ужъ не случилось ли чего?

— Ничего, тетенька, не случилось...—успокаивалъ ее Бѣльскій.

— Куда же ты бѣжишь? вѣдь ужъ ночь!

— Телеграмму надо дать, тетенька. Я сейчасъ вернусь.

— Контора закрыта, Павелъ. Надо на вокзалъ идти, подожди до утра! кричалъ изъ сосѣдней комнаты, дяденька.

— Нельзя, спѣшное дѣло—и Пашка убѣждалъ.

— Что это у него? волновалась тетенька...—Ужъ не случилось ли чего?

— Такъ, глупости... Безпокойный народъ актеры. Не могъ до утра подождать...

На слѣдующій день Пашка опять получилъ депешу и, просіявъ, заявилъ торжественно:

— Ну-съ! Прощайте! Завтра уѣзжаю!

— Куда же это ты, Пашенька? Какъ же ты поговѣть съ нами хотѣлъ?—огорчилась тетенька.

— Братецъ, вы и Пасхи съ нами не встрѣтите?—чуть не плакала Любочка.

— Нельзя, кузиночка, дѣла. Спѣшно вызываютъ... Поѣздка... чудные города... 250 рублей жалованья! (Пашка совралъ: предлагали 150 и дорогу). Дѣла будутъ удивительныя!.. Марья! Сбѣгай, узнай, когда отходить завтра поѣздъ. Въ лавочкѣ спроси, да не напутай... Бѣлье приготовь поскорѣе!

Марья кинулась въ лавочку, и Пашка побѣждалъ къ себѣ снимать и укладывать въ чемоданъ, развѣшанное на гвоздяхъ по стѣнамъ платье.

Любочка сидѣла въ сосѣдней комнатѣ и плакала въ платочекъ о братцѣ.

VIII.

На утро Пашка уѣзжалъ.

Въ домѣ была бѣготня. Стучали дверями, несли его чемоданъ, корзину и кричали, торгуясь съ извозчикомъ. Тетенька напекла въ дорогу ватрушекъ, наварила яицъ и уложивъ въ корзину, наказывала Пашкѣ не забыть.

Все готово. Сѣли. Помолились. Пашка сталъ прощаться. Тетенька прослезилась:

— Увижу ли тебя, Пашенька?

Пашка заплакалъ и ловилъ поцѣловать тетенькину руку, а тетенька не давала:

— Не люблю я этого, Пашенька...—и, вырвавъ руку, крестила его широкимъ крестомъ.

Расцѣловался съ плачущей Любочкой, обнялся съ дяденькой:

— Спасибо вамъ, дорогой дяденька, вы мнѣ какъ отецъ родной.

Дяденька крѣпился, чтобы не растрогаться и хмурилъ брови.

— Ну, Павелъ, какъ же насчетъ мѣста—видно по боку?..

— Хлопочите, дяденька, а тамъ посмотримъ, спешимся! Не могу же я бросать вѣрное дѣло.

Пашенька обошелъ комнаты, перекрестился, сунулъ рубль въ руку кланяющейся Марьѣ и, сбѣвъ на извозчика, замахалъ шляпой:

— Прощайте!

— Пиши, Пашенька!—кланялась въ окно тетенька и, перекрестивъ дорогу вслѣдъ уѣхавшему, затворила окно.

А Любочка побѣжала въ опустѣвшую комнату братца и сбѣвъ къ столу, стала писать письмо.

— «Милый братецъ!

Уѣхали вы, и стало у насъ скучно. Всѣ мы васъ жалѣемъ и вспоминаемъ. Пріѣзжайте къ намъ опять и пишите, какъ вы поживаете? А я не рѣшалась сказать вамъ, а теперь скажу: я очень люблю театръ и мнѣ нравятся артисты и когда я еще немного подросту, я тоже уйду въ артистки и буду играть драматическія роли. Это такъ прекрасно. И я пріѣду къ вамъ и мы будемъ вмѣстѣ и вы не будете одинъ».

Любочка сморгнула слезу: ей жаль братца. И положивъ перо, стала мечтать, какъ будетъ прекрасно, когда она будетъ актрисой.

Она смотритъ въ окошко своими дѣтскими, круглыми свѣтлыми глазами, а на столѣ передъ ней сидитъ и смотритъ на нее старый, забытый, гипсовый зайчикъ съ отбитымъ ухомъ.

Н. Урванцовъ.

Провісцiальная лѣтопись.

СМОЛЕНСКЪ. 15 іюля закончились въ Лопатинскомъ театрѣ спектакли драматической труппы Д. И. Басманова. Этимъ подведены итоги семи лѣтнихъ сезоновъ антрепризы Басманова. Оглядываясь на истекшее время, нельзя сказать, чтобы изъ года въ годъ составъ труппы улучшался. Главный-же недостатокъ—это однѣ и тѣ-же вторыя силы. Въ большой плюсъ Д. И. Басманову надо отнести постановки такихъ пьесъ, которыя требовали большихъ затратъ силъ и средствъ: „Жизнь Человѣка“, „Брандъ“, „Юлій Цезарь“ и др. Кромѣ того репертуаръ былъ разнообразенъ, изобилывалъ всѣми столичными новинками.

Итогъ за сезонъ 1908 года: матеріальный не важенъ, что же касается художественной стороны—то слѣдуетъ отмѣтить исключительно удачную постановку „Юлія Цезаря“.

Изъ артистовъ на первомъ планѣ стоитъ мужской персоналъ, оказавшійся безусловно сильнѣе женскаго: В. А. Бороздинъ, А. В. Рудницкій, М. С. Боринъ и молодой даровитый актеръ І. М. Нѣмовскій. Г. Лирскій-Муратовъ, пріѣхавшій 1 іюля, долженъ былъ замѣнить Рудницкаго. Веселый подвижной артистъ, отличный простакъ—но отнюдь не герой-любовникъ. Въ послѣднихъ роляхъ манеренъ, искусствененъ, холоденъ.

Изъ артистокъ наибольшимъ успѣхомъ у публики пользовалась В. А. Македонская, молодая ingénue-dramatique, съ безусловными данными, но... и съ большими „но“. Есть у ней красивые искусственные жесты, но они пріѣдаются, т. к. повторяются въ каждой роли. Артистка обладаетъ красивымъ и богатымъ гардеробомъ, но пользуется имъ неумѣло: частую злоупотребляла роскошью въ ущербъ правдѣ. Слѣдовало-бы также отучиться отъ некрасивой привычки всхлипывать.

Изъ режиссеровъ за всѣ семь сезоновъ слѣдуетъ безуслов-

но выдвинуть Д. Г. Гутмана, постановки которого часто приходилось отмѣчать въ корреспонденции. За послѣдніе два сезона, благодаря Д. Г. Гутману, сцена Лопатинскаго театра стала неузнаваемой.

Съ 16-го іюля заиграли малороссы Б. А. Бродерова.

21-го іюля городъ расцвѣтился широковъзвѣстными афишами о прїѣздѣ лишь на одну гастроль „самого“ Казанскаго съ полнымъ ансамблемъ СГБ—ургскаго фарса: Казанскій, Вадимовъ, Смоляковъ, Легаръ и др., съ пьесами: „Ночь г-жи Леваля“ и „Радіи“... Афишею обѣщаны были: оригинальные *qui pro quo*, собственные костюмы, бутафорія, реквизитъ и даже собственный парикмахеръ!

На дѣлѣ, дѣйствительно, оказалось *qui pro quo*.

Былъ г. Казанскій, только... другой. Такими „другими“ оказалась и вся труппа. Гастролеры сорвали небывалый битковый сборъ, публика слегка пошикала, тѣмъ „оригинальное *qui pro quo*“ и кончилось.

Гастроли оперной труппы А. С. Костаньянъ, въ числѣ 6, прошли при пустомъ театрѣ. Труппа безъ крупныхъ именъ, но Смоленскъ, не избалованный оперой, могъ-бы съ удовольствіемъ послушать спектакли. Приличные голоса у гг. Герасименко (баритонъ), Ахматова (драматическій теноръ) у г-жъ Олькиной (лирическое сопрано), Михайловой (меццо-сопрано), Златовой (драматическое сопрано). „Веселая вдова“, поставленная для выѣзда, оказалась прескучной. Артисты чувствовали себя не въ своихъ роляхъ, и спектакль, сдѣлавшій сборъ, долженъ быть отнесеннымъ къ числу самыхъ неудачныхъ. Одна гастроль г-жи Деборо Сабо—въ „Травиатѣ“ прошла безвѣтно, ибо гастролершѣ еще рано гастролировать.

Н. А. М.

КОВНА. Лѣтній сезонъ близится къ концу, а ковенскій театръ пребываетъ все въ томъ же невозмутимомъ молчаніи, нарушенномъ лишь дважды труппой г. Суслова, поставившей „Веселую вдову“, „Гейшу“, „Цыганскіе романсы въ лицахъ“ и „Корневильскіе колокола“.

Послѣднія три пьесы—съ участіемъ Сѣверскаго. Гастроли труппы Суслова увѣнчались полнымъ матеріальнымъ успѣхомъ. Проголодавшіеся театралы разбирали билеты за нѣсколько дней до спектаклей, и даже грозная цѣны на гастроли Сѣверскаго не охладили страстей. Г. Сѣверскій былъ нездоровъ; но вскорѣ умнѣе и вышнія данныя гастролера возымѣли свое дѣйствіе, и театръ дрожалъ отъ аплодисментовъ. Главными силами труппы явились: г-жи Зарницкая, Чарновская и гг. Сусловъ, Манько, Клодницкій и Луговой. Послѣднему слѣдуетъ много еще поработать надъ миимикой, жестами и не форсировать голоса; артисту не чужда также и утировка, переходящая зачастую въ балаганный шаржъ. Женскій хоръ красивъ и звученъ; мужской и оркестръ оставляютъ желать лучшаго. Надячхъ ожидается еще одна гастроль труппы Суслова съ участіемъ г-жи Кавецкой. Въ зимнемъ сезонѣ, какъ мы слышали, г. Бѣляевъ обѣщаетъ оперу, русскую драму и малороссовъ.

Обществу любителей изящныхъ искусствъ предстоитъ рѣшить очень важный вопросъ: „Быть или не быть“. Дѣло въ томъ, что въ составѣ активныхъ членовъ общества было много офицеровъ, на которыхъ въ сущности и лежалъ весь репертуаръ. Въ началѣ весны этого года военное министерство въ официальномъ органѣ высказалось за нежелательность участія въ публичныхъ спектакляхъ офицеровъ и тѣмъ, въ частности, ковенскому кружку при настоящей его организациі подписало смертный приговоръ. Никакіе компромиссы конечно недопустимы и остается теперь же приступить къ переработкѣ всей организациі кружка: 1) придать ему вполне семейный характеръ, 2) съ особенной осмотрительностью баллотировать членовъ, 3) воспретить всякую продажу входныхъ билетовъ (конечно кромѣ членскихъ абонементовъ и т. п.). При этихъ условіяхъ возможно ожидать благопріятнаго рѣшенія вопроса со стороны военной администраціи, но сведеть ли концы съ концами кружокъ при такихъ условіяхъ—предрѣшить трудно.

В. З.

ГОМЕЛЬ. Кончились спектакли труппы Самсонова и Лукина. За 3 мѣсяца (62 спектакля) взято около 10.000 рублей; за іюль—200 рублей на кругъ; труппа имѣла успѣхъ.

Изъ женскаго персонала отмѣчу прежде всего г-жу Арди-Свѣтлову, даровитую и опытную актрису, главныя сыгранныя здѣсь роли: Кручинина („Безъ вины виноватые“), „Медя“, „Городъ“ Юшкевича (Мать) и пр.

Не меньшимъ успѣхомъ пользовалась г-жа Болотина, изящная актриса, которая по винѣ режиссера часто выступала не въ своихъ роляхъ, но г-жа Болотина и здѣсь всегда имѣла вполне заслуженный успѣхъ. Г-жа Болотина часто выступала въ дивертисментѣ, гдѣ пѣла цыганскіе романсы.

Г-жа Поль—однообразная актриса. Въ нѣкоторыхъ роляхъ все-таки г-жа Поль была хороша (Луиза—„Коварство и любовь“).

Г-жа Матрозова—очень даровитая драматическая и комическая старуха; самой лучшей ролью надо считать заглавную роль въ „Морали пани Дульской“.

Отмѣчу еще г-жу Салиасъ. Въ нѣкоторыхъ роляхъ была-бы не дурна, если-бы не переигрывала.

Вдумчивый, способный и трудолюбивый актеръ г. Василь-

евъ—неврастеникъ и любовникъ, но не герой, для героическихъ ролей не хватаетъ силы.

Очень полезная сила г. Кручининъ, который съ успѣхомъ у насъ игралъ: фатовъ, резонеровъ и даже героевъ („Король Лиръ“).

У г. Любина неясная дикція, что особенно замѣтно въ сильныхъ драматическихъ мѣстахъ; игралъ г. Любинъ очень много. Способный актеръ г. Головановъ (комикъ-резонеръ), почему-то выступавшій очень рѣдко. Г. Лукинъ—хорошій комикъ, игралъ очень много, но часто слабо зналъ роль; послѣднее можно сказать и о молодомъ актерѣ Львовѣ, второмъ любовникѣ.

Въ труппѣ не хватало героя и фата.

Теперь нѣсколько словъ о репертуарѣ. Начала дирекція съ хорошаго репертуара. Въ серединѣ сезона перешла на пьесы, рассчитанныя только на сборы, а за послѣднія 2 недѣли кормила насъ почти только фарсами—„Ложа № 6“, „А ну-ка, покажите что у васъ есть“ и пр.

На августъ театръ сдавъ г. Вихману, который обѣщаетъ малороссовъ.

Первыми кандидатами при сдачѣ театра на будущій лѣтній сезонъ являются г-жи Арди-Свѣтлова и Болотина; вопросъ этотъ выяснится въ сентябрѣ.

На „трекѣ“ играетъ еврейская труппа г. Гузика, сборы средніе (100 р. на кругъ).

М. Цукеръ.

МОРШАНСКЪ. На мѣстѣ сгорѣвшаго прошлымъ лѣтомъ театра бр. Кожиныхъ, нынѣшнимъ лѣтомъ тѣми-же владѣльцами строится новый театръ.

За неимѣніемъ театра, минувшей зимой, наѣзжія труппы—драма и оперетка,—снимали зало клуба и, въ виду небольшого помѣщенія, по удвоеннымъ цѣнамъ давали спектакли. Въ настоящее время въ лѣтнемъ, загородномъ, театрѣ Шлеске дирекціей Доронина при режиссерствѣ Волгина играетъ драм. труппа.

Несмотря на невзрачность мѣстности (близъ кладбища) и полное неудобство театра (чрезвычайно тѣсная и необорудованная сцена, длинный, узкій и невысокій зрительный залъ), только благодаря хорошему, хотя и немногочисленному, составу труппы, сборы недурные.

Прїѣзжалъ было сюда среди лѣта циркъ. Послѣ двухъ представлений уже сталъ пустовать и долженъ былъ прибѣгнуть къ „безплатнымъ подаркамъ“, чтобы завлечь публику, но это вскорѣ было запрещено администраціей.

А. М.—ій.

БЕРДИЧЕВЪ—ВИНИЦА. Лѣтній сезонъ. Антреприза Н. Д. Лебедева и А. Л. Зиновьева. Составъ труппы: г-жи Арская, Казина, Новикова, Рылѣва, Сербская, Соболевская, Суворина 1, Суворина 2; гг. Бордюговъ, Ефимовъ, Зиновьевъ, Ильинъ, Кувчинскій, Лебедевъ, Новиковъ, Рюминъ, Соболевскій, Соснинъ, Скуратовъ, Судьбиновъ. Режиссеры: Зиновьевъ и Лебедевъ. Суфлеръ Герцманъ, декораторъ Игнатьевъ, костюмеръ Яковлевъ. Собственные костюмы, мебель, бутафорія и вооруженіе.

Въ Бердичевѣ съ 23 апрѣля по 17 іюня прошли слѣдующія пьесы: „Идиотъ“, „Въ городѣ“, „Марья Ивановна“ (2 р.), „Дѣльцы“, „Слушай Израиль“ (2 р.), „Потонувшій колоколъ“ (3 р.), „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“, „Король“ (3 р.), „Новый міръ“ (2 р.), „Дѣти солнца“, „Кавалерійская аттика“, „Грядущій разсвѣтъ“, „Два сиротки“, „Лѣсъ“, „Разбойники“ (2 р.), „На днѣ“, „Богъ мести“ и „Нюбея“, „Адскій пѣсъ“, „Камо грядеши“ (2 р.), „Гусарская лихорадка“ (2 р.), „Дѣти Ванюшина“, „Коварство и любовь“, „2 × 2 = 5“, „Хорошенькая“, „Вишневый садъ“, „Чужіе“. Понесъ 1,752 руб. убытку въ Бердичевѣ, съ 17 іюня труппа начала спектакли въ Винницѣ, гдѣ прошли кромѣ вышеупомянутыхъ пьесъ еще: „Безпечальныя“, „Давидъ“, „Больные люди“, „Нравственные устои“, „Братья Карамазовы“, „Призраки“, „Еврей“ (три гастроли Орленева), „Фрина“, „Горе отъ ума“, „Власть тьмы“, „Голосъ несовершенной дѣтны“, „Полудѣвы“, „Эросъ и Психей“ (2 р.), „Отелло“, „Жизнь человѣка“ и „Власть плоти“.

Всего за сезонъ взято 9,559 руб., расходъ 11,715. Всѣмъ уплачено сполна.

МЕЛИТОПОЛЬ, Тавр. губ. Съ 1-го августа въ лѣтнемъ театрѣ Э. О. Шульмана играетъ еврейско-нѣмецкая опереточно-драматическая труппа А. Н. Ратштейна. Пьесы проходятъ съ ансамблемъ; хоръ и оркестръ недурны; сборы средніе. Ставятся новинки.

6-го августа, въ томъ же театрѣ, состоялся концертъ І. В. Тартакова. Аккомпанировалъ М. И. Якобсонъ. Матеріальный успѣхъ—средній, художественный—большой.

І. Л. Ягольскій.

Отъ конторы.

Для облегченія сценическимъ дѣятелямъ, ИЩУЩИМЪ ТРУДА, возможности публиковать свои предложенія, контора устанавливаетъ пониженный тарифъ для объявленій о предложеніи труда: въ 5 строкъ—1 рубль, въ 10 стр.—2 р.